

Неискренне ваш

Автор:

Галина Куликова

Неискренне ваш

Галина Михайловна Куликова

В одно прекрасное утро жизнь Саши Зиминной внезапно перевернулась: по дороге на работу она встретила свою бывшую любовь – Стаса Горохова. Два года назад Саша собиралась выйти за него замуж, но Стас внезапно бросил ее и женился на другой. Слишком быстро женился! Саша понимает, что ее чувства к нему все еще живы. Кроме того, ей кажется, что за их со Стасом разрывом стоит какая-то тайна. Но чтобы ее разгадать, ей придется использовать не самые честные приемы. Однако ставки высоки, поэтому Саша решает стать ловкой, хитрой и коварной и пускается во все тяжкие, лишь бы вернуть любимого и отомстить врагам. Но поскольку от природы она девушка добрая, ее месть превращается в настоящее авантюрное приключение.

Галина Куликова

Неискренне ваш

Для девушки на каблуках хороший асфальт важен не меньше, чем для гоночной машины. Поэтому Саша Зимина страшно расстроилась, когда по дороге на работу обнаружила, что бульвар засыпали гравием. «Женоненавистники такое распоряжение отдали, не иначе, – ворчала про себя Саша, ступив на узкий плиточный бордюр. – Наверняка городские власти заботились только о пенсионерах в сандалиях да о младенцах, раскатывающих в колясках».

В конце бульвара как раз появилась коляска, которую вез заботливый папаша. Что-то в его облике показалось Саше знакомым, она резко замедлила шаг и тут

же встала как вкопанная. Ей навстречу двигался Стас Горохов. Стас с детской коляской!

- Нет, не может быть, - прошептала потрясенная Саша и попятилась от него, как от привидения.

Хотя Горохов был мало похож на привидение - высоченный, широкоплечий, весь какой-то радостный, расправленный. За версту было видно, что он отвратительно, предательски счастлив. Горохов, разумеется, тоже узнал ее и издали помахал рукой. Тут же прибавил скорость и заулыбался. Улыбка оказалась добродушной и свойской, как у парня с рекламного плаката, подбивающего доверчивых граждан купить что-нибудь ненужное. Два года Саша не желала ничего знать о Горохове и даже запрещала лучшей подруге Кристинке пересказывать ей всякие сплетни. А теперь оказалось, что у Стаса - ребенок, а она об этом даже не слышала. На секунду ей стало так больно, что пришлось зажмуриться и призвать на помощь все свое мужество. Пока она стояла столбом, Горохов стремительно приближался.

- Сашка, неужели это ты?! - завопил он, едва девушка оказалась в пределах слышимости.

- Без сомнения, это я, - обреченно пробормотала та, а потом добавила, постаравшись придать своему тону хоть какую-то твердость: - Чего же ты так орешь? Ребенка разбудишь.

- Да он не спит, - Стас лихо подкатил к ней коляску и остановился, сияя. - Как ты, Сашка? Как твои дела? Выглядишь - супер. А чего ты тут делаешь?

Этот его панибратский, стопроцентно дружеский тон потряс Сашу до глубины души.

- Я тут... На работу иду, - сказала она.

- А я Киру привез в магазин. Пока она там отоваривается, я воздухом дышу. Мы дышим! Слушай, я так рад тебя видеть. Ты совсем не изменилась.

- Ты - тоже.

Это чистая правда. Казалось, тех двух лет, которые их разделили, не было вовсе. Словно они расстались только вчера, до головокружения нацеловавшись возле подъезда.

– Я полагаю, это Горохов-младший? – спросила Саша с наспех сляпанной улыбкой. – Можно посмотреть?

– Э-э... Ну да. Конечно, смотри сколько влезет, – разрешил добрый Стас и развернул коляску так, чтобы было видно младенца. – Его зовут Виталик.

Младенец лежал под матерчатым куполом и круглыми глазенками смотрел на Сашу. Он был щекастым и выглядел сердитым, да еще выставил перед собой, как боксер, невесомые кулачки.

– На тебя совсем не похож, – сообщила Саша, крепясь изо всех сил, чтобы не зарыдать тут же, на месте, во весь голос.

Ей стало так горько, так отчаянно горько... Ведь они со Стасом собирались пожениться. Это у них должен был родиться ребенок. Их собственный ребенок!

– Да, пацан что надо, – признал Горохов, глядя не на младенца, а на нее. – Ему недавно год исполнился.

По бульвару пронесся ветер, и на Сашу повеяло запахом знакомого лосьона для бритья. На рубашке Стаса расстегнулась лишняя пуговица, и девушка едва не потянулась, чтобы ее застегнуть. Вовремя спохватилась и переложила портфель из одной руки в другую. До Горохова теперь нельзя дотрагиваться: у него другая жизнь, и она, Саша Зимина, не имеет к ней никакого отношения. Хотя раньше этот парень был ее безраздельной собственностью, и она могла в любую секунду обнять его за шею, прижаться к нему всем телом и поцеловать.

При мысли о том, как она прижимается к Горохову, Саша почувствовала противную слабость в коленках. Боже, она слишком хорошо все помнит. Нельзя, нельзя поддаваться эмоциям. Да и вообще... Она же ненавидит Горохова! Мыслями о нем были плотно нашпигованы все ее бессонные ночи. До сегодняшнего дня она думала, что уже окончательно зализала рану, но оказалось, что это всего лишь тонкая корочка, которую очень легко содрать.

– Я и не знала, что ты стал папой, – сказала она, чувствуя, как по спине ползет раскаленная струйка пота. Оказывается, эмоции могут разогреть тело до космических температур.

– Я тоже про тебя ничего не знаю, – оживился Стас и тут же простодушно поинтересовался: – Ты замужем?

– Нет, – выдавила из себя Саша, с ужасом осознавая, что она не может смотреть Горохову в глаза. Хотя должно быть все наоборот. Это он обязан был смутиться. И вообще... Они могут тут болтать, как старые приятели, и делать вид, что ничего страшного не случилось, но на самом деле случилось. Из-за предательства Стаса жизнь Саши сделала крутой поворот – и за поворотом не оказалось ничего грандиозного. Аккуратное шоссе с хорошей разметкой, вот, собственно, и все.

– Нет, я не замужем, – повторила она уже более уверенным тоном.

– Я так и думал. А где ты работаешь? – быстро спросил Стас, не дав ей прочувствовать это «я так и думал». – Все в том же рекламном агентстве?

– Все в том же, – подтвердила Саша. – В отличие от некоторых я ценю постоянство.

Стас сделал вид, будто не заметил ее иронии.

– Добилась чего-нибудь? – Он смотрел на нее с искренним и светлым любопытством, которое поднимало со дна Сашиной души всю муть, скопившуюся там за два года.

– Разумеется, добилась, – надменно ответила она. – Мне только что предложили стать вице-президентом по работе с клиентами. Это – высокий пост.

Похваставшись, она сразу же поняла, что сглупила. Не надо было хвалиться, не надо! Получилось так по-детски глупо! Как будто бы она выставила эту свою должность против младенца. Как будто защищалась, пытаясь показать, что у нее все хорошо, лучше не бывает.

- Вице-президент? Ого! – воскликнул Стас. – Серьезная позиция.

От его скупой похвалы Саша мгновенно вспыхнула. По крайней мере, ей так показалось, потому что щекам, шее и ушам сразу стало горячо. Это вдобавок к вспотевшей спине. Почему ей ни разу не приходило в голову, что она может случайно встретить Горохова на улице? Почему она не подготовилась к такой встрече?! Может быть, следовало сразу развернуться и уйти? А если бы он побежал за ней, да еще с коляской? Что, стоять посреди бульвара и орать на него? Нет, если она начнет орать, то сразу же разревется. Наверное, надо делать вид, что ей все по барабану. И сам Горохов, и его Кира, и Виталик...

Тем временем пытка продолжалась. Приходилось как-то поддерживать светскую беседу, и Саша постаралась как можно незаметнее перевести дух. Потом сделала несколько вдохов-выдохов на счет «четыре». Инструктор по йоге утверждал, что такое дыхание успокаивает. Выходит, врал.

- А ты сейчас где? – обратилась она непосредственно к подбородку Стаса.

- Пишу свои компьютерные программки, как ты любишь говорить. Тоже в крупной фирме работаю, но не начальником.

- А твоя жена? – задала новый вопрос Саша и вот тут уже посмотрела Стасу прямо в глаза. Когда-то это были родные для нее глаза, она рассчитывала смотреть в них всю свою жизнь.

Стас между тем охотно ответил на вопрос:

- Она – копирайтер. Работает удаленно, что для семьи, конечно, хорошо.

Саша криво ухмыльнулась, и Стас, заметив это, мгновенно бросился на защиту жены:

- Кира – молодец. Она на курсы фотографии записалась, учит испанский онлайн и два раза в неделю плавает в бассейне. Нет, три раза!

Эти бытовые подробности разбудили в Саше такую ревность, которая, материализовавшись, могла бы разорвать социально активную Киру на клочки.

Саша скрипнула зубами. Получалось, что теперь уже Горохов выставлял против ее карьерных достижений свое крепкое семейное счастье.

- Целых три раза в неделю? - переспросила Саша с наигранным восхищением. - Она что, боится растолстеть?

Господи, сколько раз она воображала, как Горохов приползает к ней на коленях весь в слезах, умоляя простить его. Правда, в ее мечтах он всегда оказывался без коляски. И уж точно не такой жизнерадостный. В глубине души Саша была уверена, что Стас не слишком-то счастлив в браке, а получается, что ему отлично живется с какой-то там Кирой. Саша никогда не видела жену Горохова живьем, только на фотографиях. Зато с ней была знакома ее лучшая подруга Кристинка, которую Саша допрашивала много раз и с пристрастием.

- Ну, как сказать, какая она? - чесала голову Кристинка. - Такая... Высокая, статная, уверенная в себе. Я бы ей палец в рот не положила. С такой женой хорошо ехать покорять неосвоенные земли где-нибудь в Австралии. Будь они переселенцами, ей бы цены не было. Видно, что и коня на скаку остановит, и кукурузу вырастит.

- Кристина, ну какую кукурузу?! - простонала тогда Саша.

- Да что ты хочешь от меня услышать? Что она страшная и противная? Какая разница, как она выглядит? Все, твой поезд ушел.

Слышать такое было горько. Но сейчас, глядя на Горохова, Саша готова была согласиться с Кристинкой. Все кончено. Судя по всему, Стас, в отличие от нее, о прошлом вообще не вспоминал. Он казался очень, очень счастливым. Окрыленным. А это значит, что у них с Кирой все хорошо. И еще - у них есть ребенок. В Сашином представлении ребенок являлся пропуском в какой-то другой, неведомый мир, который в настоящее время был для нее закрыт.

- Слушай, я понял, что на работе у тебя все потрясающе, - сказал Стас. - Вице-президент... Зашибись. Ну а вообще?

- И вообще все супер, - ответила Саша энергично. - Успех - лучшее тонизирующее средство.

– Ясно, – пробормотал Стас. – А то в соцсетях тебя нет...

Саша вспомнила, как после гороховской свадьбы удаляла свои аккаунты, а Кристинка стояла сзади, смотрела на творимое безобразие и держалась за щеку, как будто пыталась успокоить пульсирующий зуб.

– Зачем ты это делаешь?! – спрашивала она через каждые две минуты.

– А за каким дьяволом мне светиться в Сети? – огрызалась Саша. – Чтобы он выходил на мою страницу, проверял, вышла я замуж или нет, и цокал языком?!

Сейчас Стас не проявлял никакой снисходительности и языком, конечно, не цокал. «Наверное, я все же удачно упомянула новое назначение, – пронеслось в Сашиной голове. – Пусть думает, что я – карьеристка. Мечтаю занять просторный кабинет на верхнем этаже небоскреба и обзавестись палисандровой конторкой. И что мне наплевать на любовь».

– Сам знаешь, соцсети съедают половину жизни. Нет у меня времени на всякие глупости, – отрывисто сказала она.

Виталик завозился в коляске, и Стас на секунду отвлекся. Он стоял прямо перед Сашей весь в теплых солнечных соринках, сыпавшихся сквозь листву, и знакомая жилка билась у него на шее... Саше снова захотелось заплакать. Она вдруг отчетливо поняла, что жизнь развела их навсегда. Стас сделал выбор, и они с ним существуют теперь в параллельных мирах. Эти миры могут пересечься лишь случайно – вот как сейчас! – и всего на несколько минут.

Надо было сворачивать разговор и уходить. И, уже подыскивая слова для того, чтобы проститься, Саша внезапно осознала, что ей хочется сказать ему правду – про то, что он своим предательством испортил ей жизнь. Обида на Стаса по-прежнему торчала в ее сердце, как ржавый гвоздь. И будет торчать там целую вечность, мешая дышать в полную силу. Нужно выдернуть этот гвоздь – и чем быстрее, тем лучше.

Она вдруг почувствовала, что внутри у нее все дрожит, как в самом начале землетрясения, когда вокруг нарастает неясный пугающий гул.

– Знаешь что, Стас? – сказала Саша ватным голосом. – Нам бы надо с тобой поговорить о том, что тогда случилось.

Стас вскинул голову и остро посмотрел на нее.

– Обожаю женщин, – усмехнулся он. – Что бы ни происходило – война или чума, – им хочется выяснять отношения.

– Я серьезно, – не пожелала сдаваться Саша. Ей казалось, что она с размаху бросилась в море, а вода оказалась ледяной. – Можем как-нибудь встретиться и выпить кофе. Если Кира, конечно, тебя отпустит.

– Отпустит, но будет жутко ревновать, – заявил Стас не без самодовольства. – Ты занимаешь верхнюю строчку ее личного черного списка. Такая конкретная болевая точка.

– Очень трогательно, – хмыкнула Саша. – Ну так что? Может быть, ты запишешь мой телефон?

– Всенепременно, – ответил Стас и достал мобильник. – Давай ты мне позвонишь, и я сохраню тебя в контактах. У меня тоже изменился номер.

Саша кивнула и извлекла из портфеля смартфон. Сердце билось повсюду – не только в груди, но в горле и даже, кажется, в носу. Она стала набирать цифры, которые произносил Стас, и они выпрыгивали на дисплей, как маленькие чертики.

– Можешь даже закодировать мое имя, чтобы не расстраивать жену понапрасну, – предложила Саша сквозь весь тот грохот, который стоял у нее внутри.

– В каком смысле – закодировать? Подобрать для тебя кличку? – вскинул брови Стас. – Или записать нейтральное: «Рекламное агентство»? О, придумал! Напишу просто: Шурик.

– Ты всегда был невероятно находчивым.

Саша спрятала смартфон в карман и уставилась на макушку Горохова, чувствуя, как в ее личной Гренландии стремительно тают льды. Волосы у Стаса были очень светлые, густые и жесткие, на макушке они всегда торчали – трогательно, как у пацана. Ей вдруг страшно захотелось запустить в них пальцы. Пришлось во второй раз переключать из руки в руку портфель.

«Что он наделал? – подумала Саша с тоской. – Как он посмел меня бросить?! Я ведь его любила... А он теперь женат, у него Виталик, вполне счастливая семья, и тут уж ничего не попишешь».

– Готово, – сообщил Стас и потряс мобильником. – Ты теперь в моем телефоне. Ты мне сама позвонишь или как?

– Лучше ты, – быстро ответила Саша. – Я заканчиваю в семь часов. Или, если тебе удобнее, можно встретиться в выходной день.

– По выходным я стараюсь Киру одну с Виталиком не оставлять. Так что лучше после работы. Вторник подойдет? Или среда?

– Подойдут и вторник, и среда, – Саша смотрела на него не отрываясь, словно загипнотизированная.

«Что я делаю? – пронеслось в ее голове. – Я назначаю свидание Горохову. Зачем? Я что, хочу завязать с ним романчик за спиной у Киры? Да ни за что на свете. Тогда какого черта?! Если я хочу простить его и забыть о нем навсегда, то встречаться снова совсем необязательно. Обряд прощания можно провести и без него».

– Лады, – закруглил разговор Стас. – Беги на свою работу, а то получишь выговор.

Саша вспомнила, что он всегда все норовил решить за нее, а она дико злилась. Сейчас не было ни злости, ни раздражения. Он сказал: «Беги на свою работу», а она просто кивнула в ответ.

– Не поцелуешь меня в щечку на прощание? – спросил Стас с идиотской улыбкой.

В его глазах, которые бывали и серыми, и голубыми, теперь стояла оглушительная синева.

– А вдруг Кира увидит? – Сашины брови взлетели до небес. – С ума сошел – целоваться на улице?

– А где? – все с тем же невинным видом спросил Стас и неожиданно признался: – Сашка я, оказывается, дико соскучился. У меня такое впечатление, будто я сестру встретил после долгой разлуки. Я вот прямо сейчас понял, что ты мне совсем не чужая. Давай с тобой дружить.

– Хорошо, давай. В следующий раз я подарю тебе сопочек и формочки для песочницы, – сказала Саша. – Ладно, папаша, счастливо. Удачной вам с Виталиком прогулки. Он у тебя... о-го-го!

Прозвучало это довольно глупо, и Саша, неловко ткнув Горохова кулаком в плечо, дала деру. Она скакала по плиточному бордюру, как мячик для пинг-понга. Ее гнали вперед и стыд, и ужас, и сладкий восторг оттого, что они с Гороховым скоро снова встретятся. Внутри все горело, мир вращался, словно карусель, – мимо на бешеной скорости пронеслись деревья, машины и строчки пешеходного перехода.

Когда она добралась до офиса, буря чувств в душе несколько улеглась, но сердце все еще колотилось о ребра. Пришлось остановиться перед входом, чтобы отдышаться.

– Стометровку бежала? – раздался позади нее знакомый голос. – Или за тобой собака гналась? Я бы на ее месте обязательно тебя тяпнул. Вон какая юбка – все обтягивает...

Саша повернула голову и нахмурилась. Рядом с ней стоял завхоз Иванченко, грузный и хамоватый тип, обожавший задирать женщин. Он был чьим-то там племянником и, уверенный в собственной безнаказанности, цеплялся даже к руководительницам. Поговаривали, что исключение он делал только для «гламурной воблы» Маргариты Тархановой, директора по персоналу. Перед ней он благоговел.

Именно в этот момент Тарханова как раз появилась за его плечом. Гламурной воблой ее прозвали за отвратительную вредность и удивительный вкус к вещам. Иными словами, это была ведьма, сошедшая с обложки глянцевого журнала. Ею восхищались, ей завидовали, ее побаивались.

– Здравствуйте, – пропела Маргарита, мазнув взглядом по завхозу и впившись жадными глазами в Сашу. – Ну что, Зимина, говорят, тебя можно поздравить?

Она была в облегающем платье и в бесподобных туфлях брусничного цвета. И еще от нее соблазнительно пахло ванилью. Судя по физиономии завхоза, ему хотелось Маргариту проглотить.

– Пока еще рано поздравлять, – махнула рукой Саша. – Вот когда приказ подпишут, тогда и отпраздную победу.

– Ну-ну. Поглядим.

Тарханова поправила свои буйные черные кудри, заколотые гребнями.

– Думаю, сегодня уже все будет ясно, – Саша никак не могла сконцентрироваться.

Она находилась под впечатлением от встречи с Гороховым и чуть было не пустилась в извинения. Ведь Тарханова тоже претендовала на кресло вице-президента. У компании было два владельца: господин Варжик, человек в годах, солидный, сидевший еще на старых советских деньгах, и господин Локотков, тридцатилетний хваткий бизнесмен, пустивший в оборот свой молодой капитал. Локотков делал ставку на Маргариту, а Варжик – на Сашу. Поскольку Варжик был главным боссом, его кандидатка и победила.

– Говорить «гоп» нужно не в момент шикарного взлета, а после удачного приземления, – повела соболиной бровью Маргарита.

Какая там вобла! Настоящая пиранья. Тарханова продвигалась вверх по карьерной лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, пуская в ход такое количество запрещенных приемов, что позавидовал бы самый безбашенный боксер. За год по ее докладным запискам, жалобам и доносам были уволены и

оштрафованы хорошие, добросовестные сотрудники, по глупости не принимавшие Маргариту в расчет.

– Маргариточка, разрешите, я вас до лестницы провожу, – угодливо сказал завхоз, одним прыжком переместившись к входу в офис.

– Маргариточки, Иван Ильич, растут на клумбах, – холодно заметила та. – А у меня есть имя и даже отчество, которое ласкает мой слух. Освежите память. И встряхнитесь, встряхнитесь! Вечно вы какой-то... мешковатый. Вы ведь хозяйством крупной фирмы заведуете, а не помойкой. И до лестницы я дойду без вашей страховки.

Отчитав завхоза, Тарханова дождалась, пока перед ней разъедутся стеклянные створки, и торопливо зацокала каблуками. В глубине холла, в блистающем мире пластика и зеркал, два охранника немедленно встали во фронт.

– Она помнит мое имя-отчество, – восторженно пробормотал Иванченко.

Воспользовавшись тем, что завхоз все еще в столбняке, Саша проскользнула в дверь и взяла курс на главную лестницу. Однако не успела коснуться рукой перил, как услышала начальственный окрик:

– Александра, подождите, вы мне нужны.

Из бокового коридора появился Варжик – седые усы щеточкой, старческие мешки под глазами, улыбка восемнадцатилетнего нахала. На нем был отличный костюм и галстук ручной работы, способный украсить коллекцию какого-нибудь поклонника высокой моды.

– Здравствуйте, Андрей Аркадьевич, – просияла Саша. – Я вас слушаю.

– Поднимемся ко мне в кабинет, – приказал Варжик и первым ступил на лестницу.

Взбежал по ней легко, явно бравируя тем, в какой он хорошей форме. Саша поспешила за ним. Главный босс отличался стремительностью и властностью – любил все делать сразу и без разговоров. Саше пришлось нестись за ним по

коридорам, через большой общий зал, и коллеги здоровались с ней, обмениваясь понимающими улыбками.

- Выслуживается, - прошипел ей в спину один из менеджеров.

- Слишком большой кусок отхватила, подавится, - поддержал его второй.

Саша не обратила на шипение никакого внимания. Все, кого она уважала, относились к ней очень хорошо: она не подличала и умела держать удар. Хотя по офису давно ходили шуточки о ее дружелюбии и избыточной доброте.

- Ну, где вы там, Александра? - прикрикнул Варжик, притормозив возле входа в приемную и оборачиваясь назад. - Господи, да как же вы ходите на таких каблучищах?

- У меня маленький рост, Андрей Аркадьевич, - пробормотала Саша.

- Чтобы стать выше других, милая моя, надо тренировать мозги, а не икры.

С этими словами он распахнул дверь в собственную приемную. Приемную почти целиком занимал такой огромный стол, что, казалось, именно за ним и сидит самый главный начальник. Воцарившаяся здесь секретарша выглядела потешно, поскольку была маленькой и глазастой, как чихуахуа. Предпенсионный возраст позволял ей не бояться увольнений, выговоров и других подобных глупостей, поэтому она вела себя смело, а порой даже дерзко. Одной рукой она печатала на компьютере, во второй держала электронную сигарету.

- Надежда Петровна, вы вдыхаете жуткую гадость прямо на рабочем месте, - бросил Варжик, пересекая комнату. - Это - не дело.

- У меня нет времени бегать на перекуры, - отрезала та, продолжая щуриться на бумаги. - И вы сами знаете, какая тут вытяжка - даже запах дохлой собаки не дойдет до ваших ноздрей.

Саша хихикнула и нырнула вслед за Варжиком в его кабинет, который являлся предметом восхищения всех без исключения сотрудников фирмы. Он напоминал коробку, наполненную драгоценными вещицами. Все, начиная от свободно

спадающих штор из органзы или бесценных акварелей на стенах и заканчивая антикварной чернильницей, выбиралось с большим разбором. Здесь было мало места, зато много света и живого воздуха, врывавшегося в открытые окна.

– Вот что, – сказал Варжик, добежав до подоконника и круто развернувшись. – Мне нужно вас предупредить.

Саша, быстро следовавшая за ним, едва успела затормозить. Вид на бульвар напоминал ей о Горохове и сбивал с толку. Было трудно сосредоточиться. В животе по-прежнему горело, как будто она наелась перца.

– О чем предупредить? – спросила она, переступив с ноги на ногу.

– Степан Ярославович против вашего назначения, – с неудовольствием констатировал Варжик. – Однако это не должно вас останавливать на пути к новым свершениям. Я никого другого не вижу в кресле главы отдела по работе с клиентами. А мое мнение здесь кое-что значит. – Он посмотрел на Сашу орлиным взором. – В общем-то, я позвал вас для того, чтобы вручить ключи от нового кабинета. Держите.

Шагнув к своему столу, он выдвинул верхний ящик и швырнул Саше связку. Брелок блеснул на солнце, словно золотая монета. Саша, не отличавшаяся отменной реакцией, тем не менее, ухитрилась поймать добычу.

– Добрый знак, – похвалил ее Варжик. – Пойдемте, я помогу вам перенести вещи.

Вероятно, с его стороны это была демонстрация силы, но Саша, взбаламученная недавней встречей со Стасом, а еще больше его новым статусом молодого отца, отнеслась к предложению без должного энтузиазма.

– А приказ уже подписан? – спросила она, следуя за боссом, который просквозил через приемную в обратном направлении и припустил по коридору. Очутившись в общем зале, безошибочно отыскал среди лабиринта пластиковых перегородок нужный закуток и двинулся к нему. Задумчиво пошевелил усами, не обращая внимания на любопытные взгляды подчиненных.

– Приказ будет подписан завтра, когда вернется Степан Ярославович, – ответил он с некоторым опозданием. – Ну, что вы хотите взять в первую очередь?

Саша обвела свое рабочее место растерянным взглядом.

– Цветок, – сказала она, взглянув на чахоточную фиалку, коротающую свой горький век на подоконнике. Кусок подоконника входил в Сашино обитаемое пространство, и она очень им дорожила.

– Вот этот цветок? – не поверил Варжик.

– Этот, – застеснялась Саша. Ни летнее солнце, ни удобрения, ни полив «по науке» не смогли вернуть фиалке радость жизни. По этому поводу Саша на нее очень сердилась. – И еще я возьму плюшевого зайца.

Заяц сидел на столе возле карандашницы, демонстрируя философское отношение к жизни – одно ухо у него было оптимистично поднято, другое понуро повисло.

– Заяц – ваш тотем? – спросил Варжик и схватил зверя за лапу. – Ладно, берите растение и двигайте за мной.

Он сам открыл кабинет, в который после громкого увольнения предыдущего его владельца уже несколько месяцев никто не заглядывал, и показательно водрузил зайца на большой полированный стол. Саша, готовившаяся испытать приступ восторга, почему-то ничего не почувствовала.

– Ух ты, – на всякий случай сказала она, пристроив фиалку. – Я вам очень благодарна, Андрей Аркадьевич.

– Себя благодарите, свои таланты, – Варжик посмотрел на нее внимательно, и Саша в который уже раз подумала, что он периодически прикидывает, не приударить ли за ней, но потом отказывается от этой мысли.

Оставалось надеяться, что благоразумие и дальше будет побеждать все эти внезапные порывы. Тем более что о преданности Варжика законной супруге ходили легенды. Он был женат на польке, в которую влюбился еще в юности, а

предложение сделал лишь спустя пятнадцать лет. Возраст соскоблил позолоту с внешности его жены, но невероятный шарм и умение привлекать к себе внимание все еще оставались при ней. На корпоративных вечеринках многие мужчины не сводили с нее глаз.

– Если вы не возражаете, остальные вещи я перенесу сюда завтра. Когда приказ будет подписан, тогда уж...

– Экая вы, оказывается, буквоедка, Александра. Но ключи – у вас. Захочется полюбоваться новым видом из окна – можете заходить и сидеть тут хоть весь день.

– Вряд ли вы разрешите мне целый день считать ворон, – улыбнулась Саша.

Когда Варжик ушел, она еще раз огляделась по сторонам и, бодрясь, подмигнула зайцу.

– Интересно, почему я не скачу от радости? – обратилась она к нему с вопросом. – Так ждала, так надеялась, мечтала, можно сказать. И вот я тут, и – ничего. Это Горохов во всем виноват. Если бы он не обрушился на меня со своим младенцем, я бы от восторга уже до люстры допрыгнула. Боже мой, – вице-президент, в мои-то годы!

Заяц скептически смотрел на нее.

– Ну, почти вице-президент, – недовольно поправилась Саша. – Одной ногой вице-президент. Нет, это плохое сравнение. Одной ногой бывают в могиле, а тут речь о высокой должности. Фу, как странно у меня на душе, как муторно.

Она подергала себя за воротник, словно он мешал ей дышать. «Все-таки нужно дождаться приказа, а потом уж ликовать», – подумала она, хотя и сомневалась в том, что примется ликовать при виде документа с подписями и печатью. Завтрашнее утро покажет. Возможно, завтра робко примеренная новая должность сядет на нее как влитая.

Саша отправилась в свой пластиковый закуток, по дороге то и дело останавливаясь переброситься парой слов с сослуживцами, которым не

терпелось выпросить у нее все подробности нового назначения.

– Я еще ни в чем не уверена, – отбивалась она от поздравлений.

– Но Варжик дал вам ключи от кабинета, – наставила на нее указательный палец заместительница главного бухгалтера. – И все знают, что его слово – это все равно что золотое яичко курочки Рябы, его ничем не испортить.

– У сказки про Рябу плохой конец, – напомнила Саша и, не сдержавшись, раздосадованно воскликнула: – Марья Прохоровна, я не то чтобы суеверна, но...

Договорить она не успела. Бухгалтерша с неожиданной силой схватила ее за запястье и, расширив глаза, впилась взглядом в кого-то за Сашиной спиной. Этот кто-то шел по проходу, отчетливо поскрипывая ботинками.

– Боже мой, он! – прошипела Марья Прохоровна Саше в лицо и тут же отступила, заулыбалась и заискрилась, как шар из фольги, в который ударил свет прожектора.

– Кто? – тупо спросила Саша и хотела было обернуться, но бухгалтерша не дала ей такой возможности.

Она цапнула собеседницу за другую руку, причем гораздо сильнее, чем раньше, и дернула на себя.

– Делайте вид, что мы просто разговариваем друг с другом, – выдохнула она. И тут же загарцевала на месте, сверкая очами.

Саша, которая чуть не повалилась на пол, когда Марья Прохоровна применила свою недюжинную силу, даже возмутиться не успела. Краем глаза она все-таки успела заметить, кто так взбудоражил бухгалтершу.

Ну, теперь понятно. Тарханов! Муж Гламурной воблы Маргариты. Этот тип здесь не работал, но появлялся регулярно, чуть ли не каждый день. К нему все привыкли, как к кофейному автомату в коридоре. То он привозил жену на службу, то встречал после службы, а иной раз являлся просто так, порадовать ее коробкой засахаренных апельсиновых долек или букетиком ромашек. Он был

примерным и любящим мужем и не стеснялся проявлять чувства. Женская половина коллектива сходила по нему с ума. Тарханов был из тех типов, которым все дано от рождения – смазливая морда, рост, породистая осанка... Хотя над бицепсами, наверное, он трудился сам. Ну и, конечно, сам решал, сколько дней ему не бриться, чтобы выглядеть неотразимым мачо.

Саша никогда мужа Гламурной воблы пристально не разглядывала, и уж точно не стала бы вцепляться в какого-нибудь сотрудника, как оголодавший кот в авоську с рыбой, если бы тот вдруг заговорил с ней. Тарханов иной раз из вежливости действительно заговаривал с дамами, отпуская скупые и оттого особенно сладкие комплименты. Шептались, что его голос обволакивает, как озерный туман, и действует подобно наркотику. Вероятно, Марья Прохоровна прежде уже бывала одурманена этим типом, потому и вела себя сейчас как душевнобольная.

Когда Тарханов поравнялся с ней, она странно вывернула голову и сдобным басом сказала:

– Здра-а-а-авствуйте!

Саша хотела было ретироваться, но бухгалтерша держала ее за пуговицу и тянула на себя изо всех сил. Вероятно, ей нужен был благовидный предлог, чтобы оставаться на месте и пожирать глазами своего кумира. Между тем пуговица хрумкнула и отвалилась. Описав крутую дугу, она приземлилась на пол и сделала два веселых прыжка. Саша бросилась ее догонять и пропустила тот момент, когда Тарханов обратил к Марье Прохоровне суровое и прекрасное лицо.

– А! – воскликнул он. – Это вы, Марья-искусница.

«Искусница? – пронеслось в голове у Саши, которая страшно рассердилась на бухгалтершу за то, что та выдрала из ее блузки не только пуговицу, но и клочок ткани. – Интересно, чем она его поразила? Нечеловечески ловким подсчетом купюр?»

– Ну, вы сегодня просто... – Тарханов пропустил пару вздохов. – Просто нет слов.

В его голосе было столько напористой искренности, что Сашины лопатки удивленно сдвинулись под пиджаком. Ничего себе, дамский угодник. Кажется, он наслаждается впечатлением, которое производит на женщин. Она выпрямилась, рассчитывая увидеть выражение его лица, но опоздала: Тарханов уже прошел мимо, насытив воздух афродизиаками.

Марья Прохоровна выглядела так, будто в нее ударила молния.

– В общем, я пойду, – сказала Саша, демонстративно подбросив пуговицу на ладони. Она думала, что бухгалтерше станет стыдно.

С таким же успехом можно было взывать к совести фонтанчика с питьевой водой. В глазах Марьи Прохоровны застыло животное обожание. На Сашу она больше не смотрела и вообще ни на что не обращала внимания, глядя стеклянным взором в одной ей ведомую даль. Судя по всему, она переваривала короткую беседу с Тархановым, чтобы навсегда запечатлеть ее в памяти.

Уже на пути к своему рабочему столу Саша услышала бойкий голосок Гламурной воблы, которая что-то выговаривала супругу. Легко было представить Маргариту маленькой девочкой, капризами доводившей маму с папой до экстаза. Этот требовательный тон стал такой же неотъемлемой частью ее образа, как идеально выточенные ноги. «Любовь – странная штука, – подумала Саша. – На мой вкус, Маргарита заслуживает классического подкаблучника, задохлика и нытика. Так нет же, ей удалось отловить редчайший экземпляр и выдрессировать его на зависть окружающим».

Конечно, ее цинизм был напускным. В душе она, как и все, слегка завидовала Маргарите. Не потому, что ей нравился Тарханов, отнюдь. Она завидовала той определенности отношений, которые сложились между супругами. Ее собственная жизнь после разрыва с Гороховым потеряла четкие очертания. За Сашей то и дело принимались ухаживать мужчины, но ей по-настоящему никто не нравился, и она упорно морочила голову ухажерам. Вот, кстати, и ее назначение на новую должность задержалось потому, что мнения двух боссов о ней разделились. Один – за, другой – против.

Срочная работа спасла ее от терзаний, и почти до самого обеда Саша ни разу не вспомнила про утреннюю встречу со своим прошлым. Но как только последний факс был отправлен, она откинулась на спинку кресла, посмотрела в окно и

вздохнула. С деревьев летела мятная пыльца, воздух был упоительно сладок, и где-то там, на другом конце города, таким же воздухом дышал Горохов. У него в телефоне притаился ее номер, и они должны скоро встретиться. Кстати, он может позвонить ей в любой момент. Саша сдвинула брови, решив проверить, на месте ли ее мобильный и работает ли звонок, но не успела: странного вида тень упала на ее стол. Она подняла голову и увидела секретаршу Локоткова Варвару, окруженную нимбом рыжих кудрей и осыпанную шрапнелью веснушек.

– Тебя вызывает босс, – сказала она и выдула большой белый пузырь из жвачки. Лопнула его и почесала нос.

– Твой босс? – на всякий случай уточнила Саша.

– Конечно, мой, а то чей же? Ради чужих боссов я по офису не разгуливаю, – довольно нахально ответила Варвара. – Он вернулся раньше, чем ожидалось. А Варжик уже уехал. Так что вперед, Александра. Как ты знаешь, он ждать не любит.

Кабинет младшего босса разительно отличался от обиталища Варжика. Тут стоял люминесцентный холод, было много кондиционируемой пустоты, стеклянных поверхностей и стального блеска. Этот же блеск можно было заметить и в глазах Локоткова, который с утра до вечера искусно притворялся добрым. Но Саша была уверена: сердце его тоже сделано из стали. Легко было представить, как каждое утро после бритья он набрасывает на него кожух, после чего облачается в костюм и отправляется на работу.

– Здравствуйте, Степан Ярославович, – поздоровалась Саша, переступив порог кабинета.

Она изо всех сил старалась расслабить живот, чтобы не каменеть от напряжения.

– Привет, – откликнулся Локотков, поднимаясь со своего места.

Он был довольно высок, сухощав, постоянно носил очки и лисью улыбку, скупно жестикулировал, очень любил себя и свои идеи. Саше он не слишком импонировал. Как недавно выяснилось, она ему тоже.

– У вас нет срочных дел? – спросил Локотков, лишь один раз взглянув на подчиненную. Встал из-за стола и принялся шарить по ящикам и карманам пиджака.

– Срочных – нет. Хотите мне что-то поручить?

– Нет, хочу с вами пообедать, – ответил Локотков, обнаружив наконец искомую вещицу и взглянув на Сашу из-под светлых бровей испытующе. – Надо поговорить, а через рабочий стол неудобно. Вы ведь не обедали?

– Нет еще, – честно ответила Саша.

– Тогда пойдемте что-нибудь быстренько съедим, заодно и побеседуем по душам.

Насчет «быстренько» Локотков, мягко говоря, преувеличил. Очутившись в ресторане, он заказал себе бифштекс и отрезал от него ножом такие крошечные кусочки, словно собирался кормить спрятанную в кармане Дюймовочку. Каждый кусочек он жевал так долго, что Саша постоянно сглатывала вместо него. «Как это жена его до сих пор не убила? – удивленно думала она. – Даже смотреть на него – мука смертная». В Локоткове вообще не было аппетита к жизни, и общение с ним действовало на Сашу угнетающе.

Они сидели на веранде летнего кафе неподалеку от офиса, и девушка готовилась к неприятному разговору. Она смотрела на куриную грудку и салат, стоявшие перед ней, понимая, что совершенно не хочет есть. Желудок, сжавшийся в комочек еще утром при встрече с Гороховым, никак не реагировал на вкусные запахи.

– Александра, мы ведь прежде никогда не беседовали с вами вот так, запросто, – начал Локотков, указав на нее вилкой.

«Сейчас он и от меня начнет отрезать по кусочку, – подумала Саша. – И будет делать это методично и бестрепетно».

– Вы хотите поговорить насчет должности вице-президента? – в лоб спросила она.

Нет, встреча с Гороховым точно не пошла ей на пользу. А если они со Стасом начнут... хм... дружить, то это, очевидно, повлияет на ее мозги, а значит, и на работу. Она ему, видите ли, как сестра.

Кровь бросилась Саше в лицо. Она-то никаких сестринских чувств к Горохову не испытывала. Она и сама не знала, что чувствует. В ее душе уместился целый мильон терзаний.

– Вы меня совсем не слушаете, – ворвался в ее мысли голос Локоткова. – А ведь руководитель должен обладать определенными навыками. В том числе навыком сосредотачиваться на деле.

– Простите, Степан Ярославович, – спохватилась Саша и попыталась сфокусироваться на галстук младшего босса. Галстук оказался скучным, смотреть на него было неинтересно.

И тут на веранде появились две кошки. Они вошли неторопливо, одна за другой, и сели у входа так, чтобы их не заметил официант. Обе были тощие, неопределенного цвета и совершенно точно не вызвали умиления. Они не бросились сразу же кланяться еде, а неторопливо обводили кафе взглядом профессиональных нищих, оценивая лица сидевших за столиками людей. «Чур меня! – подумала Саша и быстро опустила глаза в тарелку. – Главное, не встречаться с ними взглядом. Вряд ли боссу понравится такая компания. Мы же не развлекаться сюда пришли».

Напрасно она старалась. Ровно через двадцать секунд ее ноги обмахнул чей-то хвост. Впрочем, понятно – чей. Кошки безошибочно выбрали среди сидящих на веранде людей самое гуманное существо, чтобы взять его в оборот. Саша прикусила губу. Черт побери, кошек обмануть невозможно, прикинься ты хоть немым и глухим. Они точно знали, кого нужно обрабатывать, чтобы получить желаемое. Против голодных животных Саша Зимина никогда не могла устоять.

– Вы сказали что-то насчет навыков руководителя, – проблеяла она, чувствуя, что ее лодыжки подло щекочут усами.

– Руководителю необходим стержень, – заявил Локотков, отламывая птичий кусочек хлеба и закидывая его в рот. – Одного металла в голосе недостаточно. И я сильно сомневаюсь, что у вас такой стержень есть.

– Я решила уже множество сложных и важных вопросов, – с достоинством напомнила Саша.

– Да, вы многое можете, – похвалил босс. – Но это когда вы сами за себя. А дай вам в подчинение людей, вы немедленно утопите результаты работы в сочувствии к ним. Люди – подлые существа, Александра, они умеют находить...

– Болевые точки, – подсказала Саша.

На своих коленях она почувствовала пару мягких лап. Из-под скатерти сверкнули глаза, полные мольбы. Стараясь действовать как можно незаметнее, Саша наколола на вилку кусочек курицы и, зорко наблюдая за Локотковым, улучила момент, чтобы стряхнуть этот кусочек под стол. Внизу, у нее под ногами, воздух пришел в движение, потом послышалось тихое урчание и чавканье.

– Справедливая жестокость – вот девиз хорошего руководителя, – заявил Локотков.

– Но сами вы бываете несправедливо жестоки, – неожиданно для себя ляпнула Саша.

– А это девиз хорошего бизнесмена, – с усмешкой ответил тот и добавил: – Если вам не нравится курица, не обязательно бросать ее на пол. Можно просто отдать тарелку официанту.

Саша смутилась было, но тут же с вызовом спросила:

– А разве это плохо, когда сотрудники любят своего руководителя?

– Вы что, Мао Цзэдун, чтобы вас любили? На ответственной работе нужно скрывать наличие доброго сердца.

Локотков сказал это со скромной гордостью, явно намекая на самого себя, но Саша точно знала, что в его сердце добра не больше, чем в титановом слитке.

– К чему вы клоните, Степан Ярославович?

– Я просто кое-что разъясню. Заигрывание с сотрудниками моей компании... нашей компании, – поправился он, вспомнив, вероятно, про старшего партнера, – недопустимо. Если уж мы выращиваем руководителя, он должен быть крепким.

– Руководитель – не редиска, – возразила Саша. Отвага в ее душе мешалась с огненным ужасом. – Я заслужила эту должность, вы сами знаете.

– Мне наплевать на ваши заслуги, – заметил Локотков.

От него внезапно повеяло холодом, и даже приклеенная к губам улыбочка основательно подмерзла.

– Чем я хуже Маргариты Тархановой? – В Сашинем представлении именно это называлось «идти ва-банк». До сих пор она никогда не позволяла себе ввязываться в споры с сильными мира сего.

– Всем, – отрезал Локотков. – Мы с ней сделаны из одного теста. Будь я единственным боссом, кресло пролетело бы мимо вас, как утка мимо косоного охотника.

Если бы Саша могла позволить себе слезы, она бы расплакалась. Но матч заканчивался не в ее пользу, и счет был сухим.

– Так я не поняла, – спросила она, нахмурившись, – вы даете мне наставления перед новым назначением или объясняете, почему не будете подписывать приказ?

– Мне нравится, что вы не юлите, а задаете вопросы со спокойной уверенностью, – подсластил пилюлю Локотков. – Говоря по правде, я все еще в раздумьях. Но...

– Но? – переспросила Саша и дрыгнула ногой, отгоняя пушистых нахалов, которые, отведав кусочек отменно приготовленной куриной грудки, возжаждали сожрать ее всю.

– Но шансы у вас все еще есть. Хотя меня страшно раздражает тот факт, что кого бы из служащих я о вас ни спросил, каждый обязательно припомнит какую-нибудь душещипательную историю, в которой вы выступаете спасительницей, защитницей и родной мамой. Но мы берем вас на большую должность для того, чтобы вы делали деньги. Добыча денег не терпит жалости и снисхождения. И что там у вас происходит под столом?!

– Я нервничаю, – отрывисто бросила Саша. – У меня ножной тик. Не обращайтесь внимания.

– Как я могу не обращать внимания, когда вы меня постоянно толкаете?

С этими словами он наклонился, приподнял скатерть и заглянул под стол. И удивленно воскликнул:

– Боже милостивый, да тут дикие коты!

Обе кошки смотрели на него с радостным ожиданием, им казалось, что счастье не должно закончиться так быстро.

– Дикие коты, Степан Ярославович, водятся в Уссурийской тайге. Очаровательные, надо сказать, создания.

– Не вижу никакого очарования в линючих шкурах с хвостом, – с отвращением заметил младший босс, выпрямляясь. – Вы кормили их курицей, Александра, и не отпирайтесь.

– Мне просто не хотелось есть. А они оказались поблизости.

– Они ведь блохастые. – Саша готова была поклясться, что он поджал ноги.

– Не волнуйтесь, Степан Ярославович, блохи тоже знают, что с начальством лучше не связываться. Они не посмеют перепрыгнуть на ваш костюм.

– Вы еще и нахалка, – хмыкнул тот. И тут же переспросил: – А разве блохи умеют прыгать?

Закончилось все изгнанием кошек из рая. Официант с веником наперевес быстренько восстановил порядок, и младший босс смог заказать кофе, не опасаясь подхватить какую-нибудь заразу.

– Не стану вас обнадеживать, Александра, – заявил он напоследок, – потому что решение я еще не принял. Завтра вы все узнаете.

На весь остаток дня и на всю ночь он оставлял ее болтаться, как жабу на веревочке. Наверняка Локотков думал, что это станет тяжелым испытанием, и в его обычной улыбочке мелькнуло что-то садистское. Откуда ему было знать, что Саша утром встретила со своей прошлой любовью и все ее нервные клетки уже оказались заняты делом. Потрясение от встречи с Гороховым вышло слишком сильным. «Возьми себя в руки, балда ты эдакая, – уговаривала она себя, вернувшись на рабочее место и глядя на свои дрожащие пальцы. – Решается твоя судьба, а ты о чем думаешь? У Горохова уже давно все в жизни устроилось, у него маленький сын, Кира, которая учит испанский и поддерживает отличную физическую форму».

То, что встреча с Гороховым так ее ошеломит, Саша даже вообразить себе не могла. «Действительность превзошла все ее ожидания», – вспомнила она книжную фразу и горестно усмехнулась. Потом приказала себе: «Так. Соберись с мыслями сейчас же. Тебе дали поручение, выполни его “на отлично”».

Расставаясь с Сашей после обеда, младший босс всучил ей докладную записку трафик-менеджера. Докладная лежала в жесткой красной папке, на которую был наклеен стикер с восклицательным знаком. Вероятно, так секретарша Локоткова помечала самые важные документы. Преисполнившись решимости хотя бы на время забыть о Горохове, Саша открыла папку и пробежала текст наискосок. Не поверила своим глазам и прочитала еще раз, теперь уже внимательно. После чего схватила телефонную трубку и набрала номер из списка, который был закреплен на ее столе в специальной рамке.

– Макс Винтовкин, зайди ко мне, – потребовала она. Дух Локоткова все еще витал возле нее, а потому ее тон не предвещал ничего хорошего. – Быстро!

Через минуту появился Винтовкин. Он был крупным, вихрастым, с глазами навыкате и большими руками, которые, по идее, должны были бы принадлежать плотнику или землекопу, а уж никак не офисному работнику. Его буйный нрав

так и рвался наружу, заставляя Винтовкина постоянно приплясывать на месте.

- Входи внутрь, - потребовала Саша и, когда тот выполнил распоряжение, протянула ему докладную. - Читай вслух.

Зыркнув на нее, Винтовкин поднес бумагу к носу и с выражением прочитал:

- «Докладная записка от трафик-менеджера Антиповой Тамары Васильевны. Требую предоставить мне внеочередной отпуск в связи с повреждением головы, которая была ушиблена Винтовкиным М.Г. путем стремительного распахивания им моей двери. Прошу считать распахивание производственной травмой».

Закончив чтение, Винтовкин вскинулся и возмущенно завопил:

- Александра Олеговна, это самый настоящий поклеп! Я подошел, постучал и просто открыл дверь. Откуда я мог знать, что она подтягивает чулки?!

Саша мгновенно представила себе эту картину: тщедушная Антипова, приподняв юбку и практически упершись макушкой в дверь, щиплет капрон, пытаюсь натянуть чулок повыше, и тут дверь влетает внутрь и бьет ее по голове. Антипова пищит, словно придавленная мышь, потом, утерев платочком набежавшие слезы, грозит Винтовкину всеми карами земными и небесными и садится строчить докладную записку.

- Что она тебе сказала после того, как ты ворвался к ней в кабинет? - строго спросила Саша.

- Обозвала меня козлом и пихнула обеими руками, - обиженно ответил тот. - Чуть не повредила мне грудобрюшную диафрагму. Я целый час прямо дышать не мог. Еще неизвестно, у кого производственная травма.

В этот момент из-за перегородки раздался голос Сашиной коллеги Тани Ясеновой:

- Антипова хоть и маленькая, но сильная, как бульдозер. Она придумала эту чушь, чтобы на пару дней отвалить на дачу - пропалывать там грядки с топинамбуром.

Танина белокурая голова появилась из-за перегородки, сверкнули хитрые глаза.

- Это не важно, Таня, - ответила Саша стальным голосом. - Проблема есть, и ее нужно решить. Даю тебе, Винтовкин, один день. Или ты улаживаешь конфликт полюбовно, или получаешь строгий выговор.

- Общественный суд приговорит тебя к расстрелу за поврежденный мозг Антиповой, - весело подытожила Таня.

- Ясенева, убери голову, пока ее тоже кто-нибудь не травмировал, - прикрикнула Саша. - Соблюдай субординацию.

- Фу ты, ну ты, - проворчала Таня и исчезла.

Винтовкин достал из кармана платок и вытер вспотевший лоб.

- Александра Олеговна, да ведь Антипова меня сожрет с потрохами, стоит мне только появиться... Да мы с ней подеремся, вот и все.

- Я сказала «полюбовно», Винтовкин, - в Сашином голосе появились зловещие нотки.

Да уж, общение с младшим боссом точно не пошло ей на пользу. Она прямо на глазах становится монстром. Глядишь, ей скоро тоже дадут какое-нибудь прозвище.

В этот момент зазвонил мобильный телефон, она вскочила с места, схватила его обеими руками и с жадностью посмотрела на дисплей. Звонила мама. Саша облегченно выдохнула и нажала на кнопку. И тут же из трубки до нее донеслись бурные всхлипы. Она даже испугаться не успела, когда на нее обрушился горестный вопль:

- Сашка, какой ужас, он мне звонил!!!

- Кто?! - перепуганная Саша едва не села мимо стула. На ее памяти мать рыдала так только один раз: когда их бросил отец. - Мам, кто тебе звонил?!

Перед ее мысленным взором промелькнула целая череда кошмарных образов.

- Твой папочка! – Слово «папочка» было облито ядом и прострелено иронией.

- Мой... кто?

- Видимо, его певичка соскучилась по дому, вот и притащила его в Москву.

- Она – арфистка, а не певичка, – пробормотала потрясенная Саша.

- Какая разница? Она – змея, а уж чего там делают змеи, выходя на сцену, никого не волнует.

- Мам, что он тебе сказал?

- Он сказал, что хочет повидаться, – истерически захохотала та. – Вообрази! С тобой тоже, имей в виду.

- И что ты ему ответила? – Саше внезапно стало очень жарко, она включила вентилятор и поставила его на папку с докладной запиской от Антиповой. Никакого облегчения это не принесло, только челка взлетела надо лбом, и сережки закачались двумя сумасшедшими маятниками.

- Я не помню, что я ответила, – огрызнулась мама.

- Но ты согласилась с ним встретиться?

- А что мне еще оставалось делать? Вдруг он хочет забрать свои вещи.

- Ма, ну какие вещи?

- А машина, гараж, его библиотека?

- Он все это оставил нам, – напомнила Саша, лихорадочно размышляя, каково будет встретиться с отцом после долгой разлуки. После его побега из семьи она ни разу не выходила с ним на связь.

– Лично мне ничего от него не нужно, – зло бросила мама в телефонную трубку.

Развод для Сашиной матери стал потрясением, которое испортило ее характер. Ольга Сергеевна так самозабвенно жалела себя, что в конце концов научилась упиваться своим несчастьем, отравляя Саше жизнь. Не помогали ни задушевные беседы, ни серьезные разговоры – Ольга Сергеевна вошла в роль несправедливо обиженной и выходить из нее не желала ни за какие коврижки. Все разговоры начинались и заканчивались воспоминаниями о том, какой она была образцовой женой и как ни одна собака этого не оценила.

– Боже правый, почему все это случилось в один день? – простонала Саша, имея в виду утреннее столкновение с Гороховым.

– А что еще случилось? – удивилась мама, на секунду отвлекшись от своих переживаний.

Саша мгновенно стушевалась. Рассказывать матери о Стасе у нее не было никакого желания. Она вообще не хотела никому ничего говорить. Может, он и не позвонит, и они больше не увидятся. Такой вариант развития событий следовало принимать в расчет.

– Ну... У меня тут на работе всякие сложности, – промямлила она. – Ма, не понимаю, почему ты так распсиховалась? Ты ведь уверяла меня, что все давно перегорело, что ты наконец вздохнула свободно... И теперь совершенно спокойна.

– Это когда он шатался по венским операм со своей музыкантшей, я была совершенно спокойна. А как только представила, что придется столкнуться с ним нос к носу... Можно подумать, ты не понимаешь.

Саша понимала. И даже слишком хорошо понимала. Впрочем, когда отец ушел из семьи, а точнее, бежал второпях, его отношения с мамой были опасно шаткими. Два года назад Саше казалось, что родители уже на пороге развода, и арфистка отцу просто удачно подвернулась. Она полагала, что роман отца недолговечен... И вот поди ж ты. Он все еще с этой своей Линой и не собирается с ней расставаться.

– Мам, дождись меня, мы с тобой вечером тихонечко сядем и все обсудим, – сказала Саша тоном новорожденного руководителя – уверенным и бодрым.

Если мама почувствует, в каком она смятении, выйдет только хуже. Из них двоих кто-то должен взять на себя роль взрослого. Иначе они обе раскиснут и, обнявшись, весь вечер будут рыдать, как брошенные сиротки.

– Хорошо, хорошо, я знаю: ты на работе, – зачастила мама. – Прости, пожалуйста. Я просто под впечатлением. Сижу себе, вяжу шарфик, и тут вдруг звонок. Поднимаю трубку и слышу...

Она задохнулась и даже забулькала, как будто ее только что накрыло волной.

– А кому это ты вяжешь шарф перед наступлением лета? – оторопела Саша.

– Коммерческому директору, – мрачно ответила мама, все еще во власти злых демонов, одним из которых она считала бывшего мужа. – Как раз к осени закончу.

– Коммерческому директору? – не поверила Саша. Ее мать работала в администрации гигантского современного торгового центра, коммерческий директор которого, по мнению Саши, должен был носить исключительно кашемировые кашне от-кутюр. – А ты не думала подарить ему ежедневник или энциклопедический словарь? – осторожно спросила она.

И тут же представила себе их собственного коммерческого директора – грубого и циничного. Если бы ей вздумалось подарить ему на день рождения мохеровый шарф, связанный своими руками, тот наверняка посчитал бы, что его сотрудница нанюхалась канцелярского клея.

– Ах, Сашка, ну что ему не сиделось за границей?! – с надрывом спросила мама, пропустив ее вопрос мимо ушей. – У меня было так спокойно на душе, когда я знала, что между нами – целая Европа.

– А еще таможня и паспортный контроль, – пробурчала Саша. – Ладно, мам, не изводи себя раньше времени. Может, он еще и не приедет – концерт отменят или его арфистке захочется позагорать на пляжах Новой Зеландии, или еще что-

нибудь.

– Я печенкой чую, что он скоро появится, – стояла на своем мама.

– Выпей горячей воды с яблочным уксусом, это спасет тебя от проблем с печенкой, – нравоучительным тоном заметила Саша. – И вообще, прекрати паниковать.

В ухе раздался противный писк. Кто-то пытался дозвониться и упорно висел на линии.

– Ладно, мамуль, пока. Дома поговорим, я сегодня не задержусь, – быстро закруглила разговор Саша и дала отбой.

Дозванивалась до нее, разумеется, Кристинка. У лучших подруг со временем развивается шестое чувство, которое позволяет точно определять время, когда требуется срочное вмешательство.

– Привет, это я, – возвестила Кристинка. – Отпросилась сегодня пораньше, надо заняться домом, а то у меня пыль по плинтусам растет, как мох на болоте. А ты еще в офисе?

– Ну да, – оловянным голосом ответила Саша.

– У тебя все в порядке? – озабоченным тоном спросила подруга.

На долю секунды Саша замешкалась. Но тут же сбросила с себя оцепенение и быстро ответила:

– Да, все хорошо.

Кажется, впервые в жизни ей стало совершенно ясно, что на свете есть вещи, которые не стоит сразу выбалтывать. Если она сейчас распустит язык, встреча со Стасом превратится из очень личного переживания в бытовое происшествие. Кристинка обязательно примется потрошить ее, как пойманную на уху сардину, и горькое очарование момента окажется разрушено. А Саша вынуждена была признаться себе, что, несмотря на смятение и обиду, она ощущала после встречи

с Гороховым еще и дикий, первобытный восторг. Было больно и сладко одновременно, словно ей снова пятнадцать лет и она ждет первого в своей жизни свидания. Кристинке она все расскажет потом, позже, когда успокоится.

За перегородкой Таня Ясенева зашуршала фольгой, и сразу же запахло сдобой и яблоками с корицей. Точь-в-точь как в детстве.

– Эй, алло! Ты меня совсем не слушаешь? – недовольным тоном спросила Кристинка, которая все это время, оказывается, что-то там тарыхтела в трубку.

– Прости, – Саша потрясла головой, – сейчас не самый удобный момент...

– Ладно-ладно, – заговорщическим тоном прервала ее подруга. – Скажи только одну вещь: как там у тебя с новым назначением?

– Все будет известно завтра, но шансы неплохие, – сдержанно ответила Саша.

– Смотри, не пожалеть бы потом, – ворчливо заметила подруга. – Женщина, достигшая вершины успеха, часто обнаруживает, что все самое лучшее осталось внизу.

– Господи, – взорвалась Саша. – Ты как моралист из какой-нибудь древней пьесы. Подойдет к краю сцены и выдаст что-нибудь эдакое, судьбоносное.

– Я не моралист, а тонкий наблюдатель. Изучаю жизнь во всех ее проявлениях. Я уже вывела несколько законов, которые умные люди не должны игнорировать.

– До сих пор мне казалось, что все твои законы касаются взаимоотношений с мужиками, – хмыкнула Саша. – Ладно, я позвоню тебе вечером.

Она тут же представила себе несчастную взбаламученную маму и быстро добавила:

– Нет, лучше я позвоню тебе завтра. Намечаются кое-какие события.

После этих слов Кристинка вцепилась в нее, как клещ в собаку, и не отстала, пока Саша не призналась, что приезжает отец.

– А тебе он не звонил? – поинтересовалась подруга мрачно.

– Я сменила номер мобильного, – напомнила Саша. – А через Интернет я с ним не общаюсь.

– Ну и зря. Он же не с тобой разводился, а с твоей матерью. Ты-то тут при чем?

– В этом ты права, но мама сказала, что будет считать меня предательницей, если я помирюсь с отцом. Она сразу стала внушать мне, что он бросил нас обеих, и точка. Ладно, потом все тебе расскажу в подробностях. Не по телефону и не с работы. У нас тут, знаешь ли, не посекретничаешь.

Она распрощалась с подругой и прислушалась к шуршанию за перегородкой. Судя по запахам, Ясенева решила заесть сладкое копченой колбасой. Умеют же люди себя порадовать. «А в моей жизни в последнее время так мало радости, – неожиданно подумала Саша. – Все, что угодно, только не радость».

Она вспомнила о Горохове, о его ребенке, о возможном свидании, которое она вытребовала у Стаса, и в смятении зажмурилась.

* * *

У Горохова был такой вид, будто его огрели по голове клюшкой. Чувствовал он себя примерно так же. Вцепившись в ручку коляски, он наблюдал за тем, как Саша улепetyвает от него по бульвару, сверкая подошвами умопомрачительных туфель. То, что она до сих пор не грохнулась со своих высоченных каблуков, наверняка было божьим промыслом.

– Черт! – с чувством выругался Стас. – Черт, черт, черт! – Бросил взгляд на тарасившего глазенки Виталика и сердито добавил: – А ты не подслушивай. И не вздумай пожаловаться, что я при тебе ругался.

Номер телефона, который Саша продиктовала, еще ничего не значил. Она добежит до своего офиса и передумает встречаться. Или нет? Стас понятия не имел, что за мысли варилась в ее умной голове. Она наверняка изменилась за эти годы. Наверняка. Но при этом казалась такой... родной!

Стас был потрясен собственной реакцией на явление Саши Зиминной во плоти. Два года ее образ преследовал его. Даже когда он целовал жену, Саша обреталась где-то в подсознании. Очень близко. Слишком близко, чтобы это не насторожило Киру. Она чувствовала что-то неладное и постоянно задавала Стасу один и тот же сакраментальный вопрос: «Ты меня любишь?» Она спрашивала это и утром за завтраком, и вечером, когда встречала его после работы, когда нежно целовала в щечку возле машины и когда с жуткой целеустремленностью нападала на него ночью в постели... И вообще при каждом удобном случае. Ему изо всех сил приходилось подавлять раздражение, и он уваливал от ответа, выдавая что-нибудь вроде «Ты лучшая жена на свете» или «Мне с тобой невероятно повезло».

Иногда ему казалось, что «лучшая жена на свете» готова придушить его собственными руками. Безлунными ночами это ощущение бывало столь ярким, что Стас перекатывался на свою сторону кровати, ближе к краю, и долго лежал, прислушиваясь к Кириному дыханию, в котором ему чудился привкус гнева.

Делая предложение руки и сердца, он был уверен, что Кирина любовь поможет залечить нанесенные Сашей Зиминной раны, успокоит и умиротворит. Но из этого ничего не вышло. Раны не затягивались, и Кира ничего не могла с этим поделать. Однако с упорством маньяка она все дула и дула на угли, пытаясь разжечь какой-никакой огонь в семейном очаге. Стас полагал, что жена скорее умрет, нежели признается в том, что ее усилия никогда не окупятся. Судя по всему, Кира готова была тянуть ляжку до конца своих дней. И до конца его дней.

Интересно, что сделает его жена, если вдруг узнает, что он встречался со своей бывшей? И собирается встретиться снова. Устроит скандал? Вряд ли. Скорее отравит его мышьяком, как в старом добром детективе. С невозмутимым видом поцелует в лобик и закажет самый роскошный венок, имеющийся в распоряжении ближайшей похоронной конторы.

Да, Кира и в самом деле любила его – странной упорной любовью, не омраченной слезами и скандалами. С ней было просто невозможно серьезно поссориться, потому что она ни на что не обижалась, зато вечно словно приноживалась и приглядывалась, пытаясь определить, что у Стаса на уме. Никаких доверительных разговоров у них не случалось: Стас иной раз мог ляпнуть что-нибудь в сердцах, но этим все и заканчивалось. Если он напивался и откровенничал, она поглощала его искренность, как темное озеро брошенный в него камень – по лицу ее проходила тень, вот и все. Поначалу Стас думал, что

Кира просто накапливает обиды и однажды устроит настоящий фейерверк. Но вскоре понял, что фейерверка не будет, потому что между ними никогда не проскакивает искра. Им не хватает страсти, огня...

С Сашей все было по-другому. И будет по-другому, даже если они всего лишь выпьют вместе кофе. Самое худшее, что можно придумать, – это снова связаться с ней. Наступить на те же самые грабли. Но он собирался наступить и, кажется, даже занес ногу.

– На тебя напал столбняк? – неожиданно услышал Стас голос матери. – Я тебе кричу, машу, а ты стоишь, как памятник Гарибальди.

Она подходила к нему раскрасневшаяся, запыхавшаяся, с горящими от возбуждения глазами.

Чтобы пробудить в Саше Зиминной ревность, Стас сказал, будто ждет гуляющую по магазинам Киру. На самом-то деле Кира сидела дома, а сопровождал он собственную мать, которая никогда не упускала случая пристегнуть сына к какому-нибудь полезному делу. Женившись, Стас привел Киру в родительский дом и пока что не собирался его покидать.

Гороховы были большой семьей с бабушками, дедушками, тетями, дядями, двоюродными и троюродными сестрами и братьями, которые то и дело наезжали из самых разных уголков земли и не сомневались в том, что их примут со всем радушием. Старший Горохов соединил две квартиры на этаже в одну большую и просторную, где и его собственным детям, и гостившей родне жилось весьма неплохо.

– Да помоги же мне с сумками, – попросила Светлана Дмитриевна, плотно увешанная пакетами.

– Прости, я задумался, – ответил Стас, обратив наконец внимание на окружающий мир.

– Ах ты, мой тюпочка! – Светлана Дмитриевна склонилась над коляской. – Ах ты, мой сладенький пончик!

– Опять ты над ним причитаешь. Он же – пацан, а не какой-нибудь домашний кролик.

– Очень остроумно. – Светлана Дмитриевна выпрямилась и откинула челку со лба. Она была крупной и статной женщиной с пронзительными глазами и копной русых волос, которые вполне подошли бы какой-нибудь кинодиве. – Ты не испытываешь никакой нежности к детям, – добавила она обвиняющим тоном.

– Так и есть, – согласился Стас, блуждая взглядом по окрестностям.

– У тебя отсутствует отцовский инстинкт.

– Это потому, что я женился не на той женщине.

– Ты серьезно? – Светлана Дмитриевна так удивилась, что едва не выронила из рук бутылочку, которой собиралась осчастливить Виталика. – Никогда еще я не слышала от тебя ничего подобного.

– Зато я от тебя слышал, – отрывисто бросил Стас. А потом передразнил противным голосом: – Ах, Стасушка, что же ты наделал?! Ты совершил опрометчивый поступок. Как же я за тебя переживаю, Стасушка!

Светлана Дмитриевна откинула голову назад и от души рассмеялась.

– Пусть у меня отсохнет язык, если я еще хоть раз назову тебя Стасушкой. Никогда больше, обещаю.

– Да уж, будь любезна.

Они двинулись вниз по бульвару, молча глядя перед собой. Бульвар был укутан густой зеленью, заглушавшей шум пронсящих по обеим сторонам машин. Под ногами шуршал щебень, Виталик в коляске мутузил бутылочку с едой.

– Послушай, – наконец прервала затянувшуюся паузу Светлана Дмитриевна, – мне кажется, нам стоит об этом поговорить.

– О чем – об этом? – усмехнулся Стас. – О моем браке? Сколько бы мы ни разговаривали, ничего не изменится.

– Ты можешь все изменить, если захочешь.

Стас пожал плечами.

– Пойду вперед, подгоню машину, – бросил он. – Еще коляску разбирать. Из-за одного мелкого головастика столько проблем.

Светлана Дмитриевна тяжело вздохнула и с сочувствием смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду.

С коляской действительно было много возни. Стас разобрал ее, затолкал в багажник и раздраженно ходил вокруг автомобиля, пока мать с Виталиком устраивались на заднем сиденье. Когда они уже подъехали к дому, малыш задрыгал ногами и принялся скандалить.

– Почему он все время орет так, как будто ему голову отрывают? – с неподдельным изумлением спросил Стас, помогая матери выбраться из машины.

– Возможно, у него животик пучит, – ответила та, целуя Виталика в макушку. – Дети не могут рассказать, что их беспокоит. Даже когда они уже умеют разговаривать, – добавила она довольно сварливо и в упор посмотрела на сына.

– У меня нет настроения вести доверительные беседы, – холодно ответил тот, поставив верх коляски на колеса и защелкнув крепления. – Я сам разберусь со своими проблемами.

– Да уж, ты разберешься, – проворчала Светлана Дмитриевна себе под нос. – Разбиратель, тоже мне... – И тут же снова повысила голос: – Гляди-ка, твой дружок ждет тебя возле подъезда.

Стас вскинул голову и хмыкнул:

– Не дружок, а лучший друг.

– Ах, простите, ваше величество, – ухмыльнулась мать. – Надеюсь, ты не унесешься сломя голову, бросив меня с коляской.

Стас радостно помахал рукой:

– Эй, Боров, привет! А ты чего не на работе?

– В офисе крыша протекла, – прокричал в ответ Борис. – Так что у меня сегодня выходной.

Когда в средней школе за парту Стаса Горохова посадили новичка Борю Фасолькина, одноклассники одурели от восторга. Мальчишкам каждый день давали новые обидные или просто потешные клички, и в конце концов окрестили бобовыми братьями. Однако друзьям больше нравилось называть себя Гора и Боров, им казалось, так звучит гораздо солиднее.

В настоящий момент Борис как нельзя лучше оправдывал детское прозвище, поскольку вырос большим и неповоротливым. Еще он носил бороду, потому как считал, что глаза с длинными ресницами непростительно его молодят. Борода ему не шла, ему все об этом говорили, но Борис никого не слушал.

– Здравьете, тетя Света, – крикнул он, широко улыбнувшись.

Стас подвез коляску к подъезду, и вдвоем друзья принялись втаскивать ее внутрь.

– Ты чего такой мутный? – вполголоса спросил Борис.

– Потом расскажу. Кое-что случилось.

– Ну да? А где ты был? Я полчаса проторчал на улице.

– Мать бегала по магазинам, – пожал плечами Стас. – Ты ж ее знаешь... Поднялся бы к нам.

– Кира начнет суетиться, чаем меня поить... Мне неудобно. Кроме того, она будет вытягивать из меня кишки, расспрашивая о том, с кем я сейчас

встречаюсь.

- Она мечтает тебя женить, - усмехнулся Стас. - Уж не знаю почему.

- Потому что тогда она завладеет тобой целиком. Ей не нравится, что я увожу тебя с собой по выходным, - ворчливо ответил Борис. - А теперь вот даже в будний день явился.

Стас мгновенно оживился и толкнул друга локтем в бок:

- Сейчас ты тоже должен меня увести, понял? Мне нужно кое-что тебе рассказать.

- Да Кира тебя ни за что не отпустит.

- Это да. Она все время дома сидит. Как дракон, охраняющий свою пещеру.

- Такой у нее темперамент, - пробормотал Борис. - Не понимаю твоего обвиняющего тона.

Стас пропустил его слова мимо ушей.

- Слушай, придумай какую-нибудь умопомрачительную историю, чтобы Кира меня не пинала, - сказал он.

- Но я же врать совсем не умею, - взбеленился Борис. От волнения у него покраснел нос. - И что я на ходу придумаю?

- Скажи, что тебе надо перевезти на дачу шкаф. А с дачи забрать двести банок маринованных огурцов. И ты один с этим ни за что не справишься.

- Все знают, что у меня нет никакой дачи.

- Скажи, что купил, - сердито возразил Стас. - Дожить до тридцати двух лет и не научиться врать.

– А я думал, ты сейчас скажешь: дожить до тридцати двух лет и не купить дачу.

Когда появилась мать Стаса, они аккуратно затолкали ее вместе с Виталиком в лифт, а сами двинулись вверх по лестнице, шипя друг на друга, как два гусака.

Светлана Дмитриевна первой вошла в квартиру, и на пороге сразу же выросла Кира. На Бориса она поглядела с неудовольствием. Впрочем, на собственного мужа тоже. Когда тот попытался вытащить Виталика из коляски, жена мгновенно стукнула его по руке и сказала:

– Лучше не трогай, а то уронишь. Ты у меня ужасно неуклюжий. Но я тебя все равно люблю. – Она подхватила малыша и прижала к себе. Потом шагнула вперед и одними губами спросила: – А ты меня любишь?

– Как же без этого? – пробормотал Стас.

Кира зыркнула на него и вместе с Виталиком ушла в комнату.

– Хорошо, что она меня сразу не шуганула, – заметил Борис. – С женой друга лучше быть в хороших отношениях.

– Мудреешь на глазах, – пробормотал Стас. – Разувайся, без обеда нас все равно из дома не выпустят.

Для того чтобы пообедать всей семьей, пришлось раскладывать стол и тащить из кухни табуретки – в доме, как обычно, гостили родственники, было многолюдно и шумно. Казалось, что сегодня не будний день, а всенародный праздник. Сидя рядом с мужем, Кира то и дело поднимала голову и бросала на него внимательный взгляд. «Такое впечатление, будто она знает, что я виделся с Сашей, – пронеслось в голове у Стаса. – Нет, чушь. Она всегда за мной наблюдает именно так – с неослабевающим вниманием. Ничего особенного в ее взгляде нет».

– А где же Тося? – спросила Светлана Дмитриевна, разливая суп по тарелкам.

Сегодня она извлекла из шкафа самую большую супницу и здоровенный половник.

– Как всегда, скачет по городу, ищет работу, – подал голос глава семейства. – То в артистки хочет податься, то в уборщицы. В голове у нее – десятибалльный шторм.

Отец Стаса, Вадим Иванович, был крупным мужчиной с молодецкой удалью во взоре. С первого взгляда становилось ясно, что человек он – веселый и боевой. Он работал в крупной строительной фирме, постоянно бывал в разъездах, но при каждом удобном случае заезжал домой пообедать.

– Ничего-ничего, побегают ваша Тося и успокоится. Устроится в тихий офис, – примирительно заметила Валя, одна из гостивших в доме тетюшек.

Тося была двоюродной племянницей Вадима Ивановича. С момента окончания школы она вела бесшабашную жизнь. Говорила всем, что «ищет себя». Делала она это так целеустремленно, что успела влипнуть в миллион сомнительных историй. Истории эти хоть и были далеки от криминальных, капитально обрушили нервную систему Тосиных родителей. В качестве крайней меры они отправили дочь в Москву, к Гороховым на перевоспитание. Гороховы слыли образцовой семьей с правильными устоями, и в их положительное влияние все родственники свято верили.

– От Тоси одно беспокойство, – продолжала гнуть свое тетя Валя, морща нос.

Стас ухмыльнулся. Вот от кого на самом деле было одно беспокойство, так это от самой Вали. Каждое утро начиналось с «левитановского» сообщения о том, что у нее ужасные неприятности: она всю ночь не спала, потому что... Далее на выбор: у нее всю ночь болел живот, соседские кошки топали прямо над ее головой, под окнами орала молодежь и так далее и тому подобное. Ей вызывали врача, ходили к соседям выяснять отношения и дружно ругали пацанов, которые, вместо того чтобы спать, швыряли пустые бутылки в металлические урны.

Стас, привыкший к завихрениям собственной родни, втайне ждал, что Кира возненавидит подобную жизнь и потребует отдельную квартиру. Однако просчитался. Кира любила все, связанное с ним. И принимала безоговорочно. Это было замечательно! И почему-то дико Стаса раздражало. Он посмотрел на жующую жену и вдруг понял, что очень плохо ее знает. В общем-то, ничего удивительного. Ведь между ними не случалось близости. Секс был, а близости

не было. Физическая страсть никогда не приводила к настоящей интимности – доверительным разговорам с воспоминаниями, смехом, объятиями, признаниями... К той интимности, которая делает мужа и жену заговорщиками, объединяет их против всего остального мира и, черт побери, разжигает страсть.

– Знаете, мне Стас сегодня очень нужен. Для дела, – неожиданно сказал Борис завиральным тоном.

До этого момента за столом стоял гвалт, но тут все разом замолкли, повернув головы и выжидающе глядя на него.

– Я огурцов намариновал, – уже не так уверенно продолжил Борис. – Сорок банок. Надо их перетаскать из кладовки в багажник. Требуется грубая мужская сила.

Про дачу он соврать все-таки не рискнул.

– Куда огурцы повезешь? – поинтересовался Вадим Иванович задорно.

– На рынок, наверное, – подала голос Маруся, младшая сестра Стаса.

Ей только что исполнилось двадцать три года, она пережила жестокую любовную драму и в связи с этим позволяла себе говорить что вздумается. Сделалась циничной, агрессивной и вообще, как считала мама, вышла из берегов.

– Я и не знала, что ты, Боря, мастер по закатыванию банок, – сказала Кира, не скрывая ехидства.

– Да я не то чтобы мастер, – начал было оправдываться Борис, но Стас уже пришел ему на помощь.

– Вы ничего не поняли, – вмешался он, наскоро соорудив на лице снисходительную улыбку. – Это благотворительная акция. Помощь будущей Борисовой теще.

– Боря, так ты жениться собрался? – просияла Светлана Дмитриевна.

– Вот так так. И давно ты скрываешь от нас свою невесту? – поддержал ее радость Вадим Иванович, подхватив на вилку целый пук квашеной капусты. – Как ее зовут?

– Э-э... – промямлил Борис с несчастным видом.

– Элла, – снова вмешался Стас. – Ее зовут Элла. Она экономист, работает на закрытом предприятии. Она красивая, чопорная и при этом сексуальная.

– Стас! – укоризненным тоном воскликнула тетя Валя. – Как не стыдно?

– Если хотите отыскать в комнате ханжу, произнесите вслух слово «секс», – прокомментировала этот вскрик Маруся.

Хорошо, что она пробормотала это себе под нос и Вадим Иванович ничего не услышал, иначе великовозрастной нахалке наверняка досталось бы на орехи.

– Ты мне этого не рассказывал, – попеняла мужу Кира, подкладывая ему на тарелку салат.

– Ты мне тоже мало что рассказываешь, – неожиданно для себя брякнул Стас. – Максимум, на что ты способна, это пересказать интрижку какого-нибудь малобюджетного сериала.

Кира удивленно посмотрела на него и сдвинула брови. В репертуаре их семейной жизни мелкие наезды были редкостью.

– А я могу познакомиться с этой Эллой? – спросила она через некоторое время.

– Если Борька действительно женится, познакомишься. Не ставь телегу впереди лошади.

Судя по всему, Кира не очень поняла, что он имел в виду, но возражать не стала. Вместо этого она привычно поинтересовалась:

– И когда вы вернетесь?

– Как дело сделаем, так и вернемся, – Стас никак не мог справиться с непонятно откуда взявшимся раздражением. – А что? Ты рассчитывала посидеть дома и почитать роман, используя меня вместо подушки?

– Нет, почему? – Кира посмотрела на него одним из своих долгих взглядов. – Можем сходить куда-нибудь.

– Куда? – Стас никак не мог остановиться.

– Например, погулять с Виталиком.

– Спасибо, я с ним сегодня уже гулял.

– Ну... Я не знаю. Куда захочешь, туда и пойдем. Сам решай.

– А если я захочу попить пивка в баре? Ты молча пойдешь собираться?

– Я не такая уж молчаливая, – Кира, как обычно, не догадалась обидеться на мужа. Или не хотела на него обижаться. – Я неплохо отношусь к пиву, если ты не в курсе.

Стас испытывал одновременно стыд и досаду. Ему хотелось накричать на Киру. Просто потому, что он женился на ней, поддавшись искушению быть любимым и слишком поздно поняв, что ему далеко не все равно, кто именно будет его любить.

– Я наелся, – заявил он, вышел из-за стола и потянул друга за шиворот. – Пойдем, Борька, огурцы не ждут.

Это была правда в чистом виде. Никакие огурцы их не ждали. Поэтому они выкатились из квартиры, как в детстве, – на ходу похватав вещи и толкаясь. Светлана Дмитриевна ухмылялась, глядя им вслед. Конечно, Кира ждала, что Стас поцелует ее перед уходом, но он всего лишь помахал рукой и сказал:

– Пока.

– И тебе пока, – ответила Кира с непроницаемым видом.

Позже, когда Валя со Светланой Дмитриевной мыли посуду, тетушка не удержалась и высказалась:

– Вот сынок твой непоседа. Все куда-то ему бежать требуется. Уж я бы на месте Киры точно взбесилась. Железная выдержка у девки.

– Не уверена, – проворчала Светлана Дмитриевна. – По-моему, она просто не особо чувствительная. Все, что ей неприятно, словно пролетает мимо. Но я могу и ошибаться. Вполне возможно, что она очень мудрая молодая женщина и понимает в семейной жизни гораздо больше меня.

С задумчивым видом Светлана Дмитриевна принялась составлять тарелки, освобожденные от остатков еды, в раковину. Заткнула пробкой сток, налила моющего средства и пустила горячую воду, с удовольствием наблюдая за тем, как растёт шапка пены. Мытье посуды успокаивало ее и даже умиротворяло. Когда вокруг все блестело, у нее на душе становилось удивительно легко, дела ладились, настроение поднималось.

– Светочка, ну что за счастье иметь мужа, который так и норовит улизнуть из дома? – не сдавалась Валя. – Лучше уж никакого мужа, чем такой, который тобой тяготится.

– По-твоему, Стас тяготится Кирой? – удивленно спросила Светлана Дмитриевна.

Ей казалось, что, кроме нее, никто этого не замечает. Или просто Валя такая на диво проницательная?

– Мне, конечно, не хочется совать нос в ваши семейные дела... – завела свою обычную песню тетушка.

Светлана Дмитриевна выразительно фыркнула. Валя приезжала именно для этого – сунуть нос во все дела, перетряхнуть грязное белье, проверить все шкафы на наличие скелетов и еще раз убедиться, что ее собственная одинокая жизнь даст фору любой семейной идиллии. Почему именно она завела этот разговор, а не муж и не дочка? Уж тогда бы Светлана Дмитриевна мгновенно

выдала все, что накопилось у нее на душе. И начала бы с фразы, которую услышала сегодня от сына: «Стас женился не на той женщине».

«Той женщиной», конечно же, была Саша Зиминая. Светлана Дмитриевна помнила, как Стас сообщил всем, что они с Сашей расстались, и на сутки заперся в своей комнате. С тех пор в их доме было наложено табу на упоминание Саши Зиминой. Ну а потом появилась Кира...

Голос тетушки вернул Светлану Дмитриевну к действительности.

- Они скоро разойдутся.

- Господи, Валя, как ты можешь судить, прожив тут всего полторы недели?

- Да проживи я у вас хоть полтора года, любви-то между ними не прибавится.

Светлана Дмитриевна посмотрела на Валю с подозрением, словно та действительно собралась задержаться в их квартире на такой долгий срок.

- Тут нельзя дать никаких гарантий, - пробормотала она.

- Любви бывает сначала очень много. А потом она потихоньку убывает и убывает, - вынесла приговор вечному чувству Валя. - Кто ее быстро расходует, тот быстрее разводится. А если ее сразу мало, то шансов - никаких.

Светлану Дмитриевну такой математический подход к любви несколько озадачил.

- А может случиться так, что спокойные отношения выльются в долгий и счастливый союз, - запальчиво возразила она. - Сумасшедшая любовь далеко не гарантия счастливого брака.

- А ты с Кирой ладишь? - с любопытством спросила Валя, решив вернуться к житейским вопросам. - Две хозяйки на одной кухне - это прямо как два корабля в одном пруду.

– Кира, если ты заметила, не хозяйничает. Она работает дома, на компьютере, так что с утра до ночи вроде как занята. Может, конечно, помочь, если ее попросить. Ну... Иногда она Стасу утром завтрак готовит – сырники или омлет.

– А рубашки гладит?

– Рубашки он сам в прачечную сдает.

– Это плохо, – авторитетно заявила Валя. – Любящая женщина должна гладить рубашки, прижимая каждую к груди и обливая слезами умиления.

– Чушь, – отрезала Светлана Дмитриевна, прикинув, что при всей своей любви к мужу ни разу не прижала к груди ни одного предмета его одежды. Его самого – сколько угодно, даже если он по какой-то причине сопротивлялся. – Семейные отношения – это не лес с белками, тут народные приметы не работают. Так что не надо каждую пару мерить на свой аршин...

* * *

Тем временем Стас, чья семейная жизнь активно обсуждалась родственниками, закатился со своим закадычным другом в пивной ресторанчик. Они уютно устроились за добротным деревянным столом, заказали любимый сорт темного пива и большую тарелку с закусками. И тут Стаса неожиданно накрыло чувство вины.

– Кира тоже хотела пойти пиво пить, – сказал он. – А я ее отшил. Я – скотина.

– Да ладно тебе, – пробормотал Борис смущенно. Он точно знал, что если женится сам, никогда не станет обижать свою жену. А в ином случае и затеваться не стоит. – Чего у тебя за срочное дело такое?

– Разговор, – ответил Стас. У него был торжественный тон, каким сообщают о решении баллотироваться в президенты. – Со мной кое-что случилось сегодня утром.

– Ну да? – Борис нахмурился. – Что с тобой случилось?

Стас сделал глубокий вдох, будто собирался прыгнуть с борта корабля в открытое море и ответил:

– Я встретил Сашу Зимину. – И тут же набросился на Бориса, тыча в него вилкой. – Чего ты молчишь?! Я делюсь с ним жуткими новостями, а он таращится на меня, как на говорящего Тузика.

– Да я... Я слова не успел сказать. Я еще даже не переварил информацию. Ты встретился с Сашей Зиминной. Ну и?

– Что «ну и»? – продолжал бушевать Стас. – Мы не виделись с тех пор, как разругались. Представляешь мое состояние?

– Нет, – ответил Борис. – Не представляю. Я еще ни с кем всерьез не разругивался.

В ресторанчике было душно, огромные вентиляторы вращались над головой, как пропеллеры вертолетов, и поднятый ими ветер ерошил волосы. На большее их мощности не хватало. Борис уже давно взмок, на его рубашке появились влажные пятна, и даже борода слегка закучерявилась. Стас же словно не чувствовал никакой жары, поглощенный неожиданными переживаниями.

– Я был с Виталиком, – продолжал повествовать он. – Мать ушла инспектировать магазины, всучила мне коляску. – Глаза Стаса сверкали так, словно он раскрыл мировой заговор и собрал по этому поводу пресс-конференцию. – Так Саша подумала, что это мой ребенок.

– Ну и ну. – Борис понял: если он сейчас сболтнет что-то не то, это дорого ему обойдется. Поэтому решил ограничиваться ничего не значащими фразами, кивать, щуриться и морщить лоб.

– И знаешь что? Она совершенно обалдела. Даже если она про меня всякие сплетни собирала, про ребенка-то ей точно не говорили.

– Ясное дело, – кивнул Борис.

По его мнению, Стасу сейчас требовался внимательный слушатель, и Боря его старательно изображал. Саша Зимина! Два года Борис был уверен, что если эти двое встретятся, то его друг надолго впадет в тоску. А любовная тоска – болезнь не столько опасная, сколько изматывающая. И вот наконец встреча состоялась, но Стас не оправдал его ожиданий и ни в какую тоску не впал, а даже наоборот – сделался на диво агрессивным.

– Знаешь, я не то чтобы хочу ей отомстить, – продолжал Стас, размахивая пивным бокалом. – У меня поначалу и мысли такой не было. Но когда она увидела Виталика, голову даю на отсечение, чуть не разревелась. И меня это так зацепило... Значит, в ней не все еще умерло, да?

– Хм, – задумался Борис. На его усах осталась пивная пена.

– Я решил: пусть она увидит, что потеряла. Уж я ей расписывал нашу с Кирой семейную жизнь... Пел, как Садко. Только гуслей не хватало.

– Ну ты даешь, – снова подал голос Борис.

– Мне показалось, сейчас она жалеет, – в голосе Стаса появилось удовлетворение. – Карьера ее, конечно, пошла в гору. И в этом ничего удивительного нет. Если у тебя, кроме работы, ни забот, ни хлопот, волей-неволей продвинешься по службе. И знаешь, она предложила мне встретиться и поговорить.

Борис, который до этого времени был похож на филина, предающего медитации, немедленно очнулся.

– Ты спятил? – воскликнул он гневно. – Собираешься снова связаться с девчонкой, которая отправила тебя в нокаут?

– Так уж и в нокаут, – с неудовольствием ответил Стас. – Я практически сразу женился на Кире. То есть вышел из ситуации с достоинством.

– Ну конечно.

- Слышу скепсис в твоём голосе. Ты не веришь в то, что я могу спокойно общаться с Сашей и не запастись на нее?

- И когда у вас свидание? – спросил Борис, побарабанив пальцами по столу.

Этот жест должен был Стаса насторожить, но он думал о другом и не придавал этому значения.

- Мы еще не договорились. Я обещал ей позвонить, – сообщил он.

- Помнится, ты упоминал, будто она сменила номер телефона. Или она дала тебе новый и ты выучил его наизусть?

- Я сохранил его в списке контактов. Она проходит у меня под именем Шурик.

Стас думал, что друг оценит его находчивость, но тот просто протянул руку и потребовал:

- Дай посмотреть.

Получив в руки мобильный телефон, Борис отыскал поддельного Шурика и, не сказав ни слова, стер номер из памяти.

- Что ты делаешь?! – завопил Стас, наблюдавший за его действиями.

- Я спасаю лучшего друга от кучи проблем, – борода Бориса воинственно распушилась.

Стас выхватил у него из рук телефон и в бешенстве начал прокручивать список контактов.

- Ты уничтожил Сашин номер, – негодовал он. – Вот ты дурак!

- Конечно, уничтожил. И однажды ты скажешь мне за это спасибо.

- Да не скажу я тебе никакого спасибо.

– Это нечестно по отношению к Кире, – уперся Борис. – Она и так считает себя нелюбимой женой. А если ты за ее спиной начнешь встречаться со своей бывшей, Кира обязательно догадается об этом и уйдет от тебя. И еще неизвестно, каково тебе будет, два раза брошенному.

– Я не собираюсь крутить роман с Зиминной, – Стас опасно дымился и, кажется, готов был воспламениться.

– Расскажи это Виталику, – парировал Борис. – Возможно, он тебе поверит. Зачем еще тебе встречаться с этой девчонкой?

– Она хочет объясниться, – ответил Стас чуть спокойнее.

Борис обидно расхохотался:

– Она хочет проверить, по-прежнему ли на тебя действуют ее чары.

– А ты прямо эксперт по части отношений.

– По твоей милости я почти женат, – напомнил Борис. – На Элле, чопорной и сексуальной. И для того, чтобы понять, что на уме у Зиминной, не нужно быть Зигмундом Фрейдом. Она хочет вторую серию. Или, скорее, ремейк. Может, ей скучно наедине со своей карьерой. Или, подумав, что у вас с Кирой ребенок, она просто взревновала и решила разрушить ваш брак. И, судя по тому, как ты бьешь копытом, у нее это вполне может получиться.

– Да ерунду ты болтаешь, – в голосе Стаса появилась легкая неуверенность. – Саша – не коварная соблазнительница, и она никогда не была подлой.

– Но она тебя любила. И это, мой друг, является оправданием всего, что только может взбрести ей в голову. С ее точки зрения, разумеется.

Пока они спорили, к столику подошла официантка – весьма симпатичная, но удивительно серьезная. У нее был вид учительницы, собирающейся опрашивать учеников. Гладко зачесанные волосы, собранные в высокий хвост, очки в темной оправе, к форменному платью приколот бейдж с именем. Увидев его, Стас наступил Борису на ногу и глазами показал, куда смотреть. Тот ничего не понял,

но послушно повернул голову и случайно ткнулся в официантку носом. Ужасно смутился и закашлялся.

– Элла, – выразительно сказал Стас. – Принесите мне, пожалуйста, еще пива. Того же самого.

– Хорошо. А вы что-нибудь будете? – поинтересовалась официантка у Бориса.

– Э-э-м, – прогудел тот, как набирающий скорость шмель. – Не буду. Нет, буду. – Поднял голову, посмотрел официантке прямо в глаза и быстро добавил: – Я думаю, что что-нибудь обязательно буду, но не знаю, что, потому что не умею быстро принимать решения.

– Ничего страшного, – успокоила его Элла. – Можете собраться с мыслями, я подойду через пять минут.

– Да что с тобой? – прошипел Борис, дождавшись, пока официантка отойдет на безопасное расстояние. – Считаешь, что если живую девушку и мою воображаемую невесту зовут одинаково, я тут же расплавлюсь, как гудрон? Ты уже почти два года женат, но ни солидности, ни благоразумия...

– Не хочу взрослеть, – признался Стас, отправив в рот копченую колбаску размером с пальчиковую батарейку. – Кроме того, я ничего особенного не сделал. Просто обратил внимание на удивительное совпадение. Вдруг это перст судьбы?

– Иди к чертовой бабушке, – ответил Борис. – Когда я встречу со своей второй половинкой, я сразу это почувствую. И уж я точно не стану жениться с бухты-барахты.

Стас прищурился:

– А что же ты тогда плясал на моей свадьбе? И даже пел. А на самом деле считаешь, что это какие-то там бухты-барахты.

– Теперь, когда ты снова решил снюхаться с Зиминой, я понял, что не ошибаюсь.

- Ты настроен против Саши, вот и все.

- Я настроен против того, чтобы ты пустил под откос свою жизнь просто потому, что встретил на бульваре бывшую девушку и размяк, как сухарь в ряженке.

В этот момент возле столика снова возникла Элла с блокнотом, и друзья вынуждены были замолчать. Передышка пошла им на пользу, и они прекратили пикироваться.

Стас некоторое время молча прикладывался к пиву, а потом вдруг обескураженно признался:

- Боров, ты знаешь, мне кажется, я не люблю Киру.

Лучший друг посмотрел на него и тяжело вздохнул:

- Думаешь, она этого не знает?

- А ты думаешь, знает?

- Она терпит твоё отношение только потому, что Саши Зиминной нет ни на заднем плане, ни на боковом, ни в твоём телефоне, ни в компьютере. Если ты изменишь ситуацию, грянет гром.

- Кира не способна гроыхать, у неё не тот темперамент.

- А ты пойдёшь на свидание с Зиминной, и узнаешь, какой у твоей жены темперамент на самом деле. Истинная сущность женщины проявляется в противостоянии другой женщине. Я уверен: если ты начнёшь встречаться с Сашей, Кира тебя убьёт. Не хотелось бы мне, чтобы лучший друг склеил тапочки после удара чугунной сковородой по голове.

Когда принесли заказ, друзья прервали диалог и с аппетитом принялись за еду. Откручивая хвосты ракообразным, Стас прикидывал, в его ли силах отказаться от встречи с Сашей Зиминной. Если он не позвонит, она вряд ли отважится позвонить сама. А если всё-таки отважится, то достанет ли у него духу отменить свидание?

Но на самом деле он хотел на него пойти. Он очень хотел. Это острое и яркое желание раздирало сердце. Возможно, ему не стоит сразу возвращаться домой. Лучше побродить по городу и все взвесить. Ведь он, черт побери, случайно встретил сегодня на бульваре Сашу. И уже готов рискнуть своим браком ради того, чтобы выпить с ней по чашечке кофе.

А сама Саша? Понимает ли она, что их встреча может оказаться далеко не безобидной? И что она, интересно, об этом думает?

* * *

Ольга Сергеевна лежала на диване с мокрым полотенцем на лбу. Одна ее рука безвольно повисла, демонстрируя вселенскую скорбь.

– Выглядишь, как лань, сраженная стрелой охотника, – сказала Саша, входя в комнату. Ей пришлось открыть дверь своим ключом, потому что родительница не реагировала на звонки. – Ты что, не слышала трелей и переливов?

– Слышала, конечно, но подумала – вдруг это ОН пожаловал? – ответила Ольга Сергеевна, глядя на дочь из-под полотенца. – Я совершенно не готова с ним встречаться. Да и вообще – зачем?! Я приложила столько усилий, чтобы вычеркнуть его из своей жизни. А тут он возьми и возникни. Кто его просил?

Она воздела обе руки к потолку, взывая к люстре, как будто та была призвана защищать мировую справедливость.

– Может быть, ты снимешь тряпку с головы, мы попьем чайку и все обсудим? – строго спросила Саша.

Она знала, что стоит проявить хоть капельку сочувствия, родную маму уже не остановить, ее повлечет к страданиям, как лодку к водопаду.

– Хорошо, – с надрывом ответила Ольга Сергеевна и рывком села, опустив ноги на пол. – Горячий сладкий чай меня успокоит. Наверное.

Она встала и двинулась на кухню, шаркая тапочками, как тяжелобольная.

– Давай конструктивно. Почему ты не хочешь встречаться с папой? – поинтересовалась Саша, принимаясь накрывать на стол. – Да, он тебя обидел. Да, он тебя предал. Да, это как удар под дых. Но прошло уже много времени, и стало ясно, что с его стороны это не было диким необдуманным поступком. Он счастлив со своей Линой...

– На здоровье, – Ольга Сергеевна сорвала крышку с сахарницы и принялась злобно бросать кусочки сахара в чашку.

– Может быть, ты его все еще любишь?

– Нет, – отрезала Ольга Сергеевна. Потом помолчала и сердито добавила: – Не знаю.

– Раз не знаешь, надо узнать. Как только столкнетесь нос к носу, тут сразу все станет понятно. И еще станет понятно, как следует себя вести.

– А если мне будет так же больно, как тогда? – спросила Ольга Сергеевна.

«Тогда» ее муж пришел после работы домой с двумя пустыми чемоданами и сказал, что хочет уйти. Ольга Сергеевна ему не поверила. Сначала она даже смеялась, думая, что муж шутит. Но он не шутил. Тот самый муж, который не давал поводов для ревности, обожал дочку и считался образцовым главой семьи. Покладистый, можно даже сказать, смирный, немногословный, ответственный Олег Зимин побросал свои пожитки в чемоданы, обнял дочь и положил связку ключей на стол.

Саша наблюдала за ним из окна и видела, как отец вышел из подъезда и двинулся к припаркованной неподалеку машине. Плечи его расправились, и Саша, хоть ничего и не слышала, могла бы поклясться, что он насвистывает на ходу. Вероятно, он испытывал облегчение от того, что тяжкое объяснение позади. Зимин уходил к другой женщине и наверняка готовился к этому самому объяснению не один день. Саша тогда невольно подумала: «Сколько же времени он носил в сердце эту тяжесть? Эту обязанность жить с женой, которую разлюбил и не мог бросить из чувства порядочности, жалости, может быть, из-за обостренного отцовского чувства...»

– Я ведь надеялась, что он довольно быстро сбежит от своей музыкантши и приползет обратно, – выдавила из себя Ольга Сергеевна. – Сашка, но ты-то знаешь, как я ради него выкладывалась. Работала на полставки, чтобы вечерами всегда быть дома. Вкусные ужины готовила, пироги по воскресеньям пекла, пол до блеска натирала, коврики вязала, рубашки гладила... Выбирала подарки для его матери, водила его на концерты... Я любила его! Он так гордился мной, тобой, нашей семьей, на работе занял руководящий пост. Все у него получалось...

Саша слушала внимательно, будто речь шла не о ее отце, а о ком-то постороннем, напортачившем по полной программе.

– И вдруг он все бросает, – продолжала Ольга Сергеевна, – увольняется с отличной должности, женится на рафинированной цыпочке и становится ее сопровождающим. Хвостом, по сути дела. Куда она – туда и он. Может быть, он даже живет на ее деньги. Кем он может работать при такой жизни, когда у нее гастроли за гастролями?

– Вместо того чтобы строить догадки, лучше встретиться и поговорить начистоту, – заявила Саша.

– Не представляю, как я это выдержу. Мы два года не разговаривали.

– Потому что, когда он звонил, ты не брала трубку.

– Я что, мать Тереза?! – вознегодовала Ольга Сергеевна. – Я – обыкновенная женщина, которую предали и которая обиделась.

– А ты возьми и стань необыкновенной, – предложила Саша. – Как только ты сможешь простить папу, твой кошмар закончится. Вот увидишь.

– Не знаю, почему ты его защищаешь, – горячась, заявила Ольга Сергеевна. – В твоей жизни, слава богу, такого не было, а то бы ты иначе запела.

– Почему же не было? – внутри у Саши мгновенно вскипела волна обиды. – Меня бросил Горохов. Кстати, тоже два года назад.

– Ты не говорила, что это он тебя бросил, – Ольга Сергеевна немного умерила пыл. – Я только и слышала от тебя: «Мы расстались». А почему расстались и что случилось, так и не объяснила.

Саша сразу пожалела, что ляпнула про Горохова. Она постоянно о нем думала – и вот результат.

– Давай сейчас не будем переключаться с твоих проблем на мои, – предложила она матери. – Ты до сих пор не решила, что будешь делать, когда появится папа.

– Боже мой! – Ольга Сергеевна с трагическим выражением на лице потрясла чашкой. – Как вспомню начало наших отношений, так плакать хочется. Такая была любовь... Куда она делась? Может, это я сама во всем виновата?

– Нет, ты не виновата, – заверила ее Саша. – Мам, всем известно, что человек влюбляется, когда его кто-то по-настоящему зажигает. А как сделать так, чтобы «зажигалка» не сломалась, не знает никто. Иногда люди просто перестают любить друг друга.

«Но у нас-то с Гороховым все было не так», – снова подумала она про себя. А вслух спросила:

– Так что ты решила с папой? Он ведь обещал позвонить?

Словно в ответ на ее слова городской телефон издал длинный пронзительный крик. Мать с дочерью взволнованно переглянулись. Впрочем, Саша почти сразу взяла себя в руки и встала. В конце концов, почему она должна паниковать? Она, без пяти минут вице-президент! Ей по штату положено держать удар.

– Алло, – сказала она деловым тоном, сняв трубку.

Ольга Сергеевна, прибежавшая в комнату вслед за дочерью, остановилась и прижала руки к груди. Глаза у нее сделались круглыми, как у кошки, завидевшей пылесос.

– Сашка, это я, – сказал знакомый голос.

Голос был бодрым, молодым, летящим, полным энергии. А не тусклым, как в последние годы семейной жизни. Сейчас-то Саша уже все понимала и видела эту разницу. Но когда отец уходил, она словно ослепла от ужаса. Комок в горле помешал ей ответить сразу же.

– Господи, как же я рад тебя слышать, – продолжал между тем Олег Петрович Зимин. Саша чувствовала, что он улыбается. – Я думал, вы обе по-прежнему будете от меня прятаться. Надеюсь, мама немного успокоилась?

– Она не особо-то и расстраивалась, – тотчас солгала Саша из чувства женской солидарности.

– Хочу напроситься в гости. Но больше всего хочу увидеть тебя. Милая, мы можем вместе пообедать? Или поужинать. Или даже позавтракать! Как тебе будет удобнее.

– Да, мы можем, – ответила Саша, и голос ее заметно дрогнул. – Если хочешь, подъезжай завтра вечером к моему офису, я заканчиваю в семь часов.

Диктуя адрес, она думала о том, что если завтра назначение на новую должность состоится, она, конечно же, расскажет об этом отцу. А вот про то, что встретила Горохова и сама предложила ему увидаться снова, – ни за что на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/galina-kulikova/neiskrenne-vash>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)